

Анна
МАЛЫШЕВА
ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

Анна Малышева
Запасной выход

«АСТ»

Малышева А. В.

Запасной выход / А. В. Малышева — «АСТ»,

ISBN 5-17-037998-6

На пути к славе и деньгам теснятся толпы претендентов. Как проложить себе дорогу среди них, как растолкать конкурентов, доказать, что ты единственный и лучший? Идти по головам или... по трупам? Чем больше в прошлом «звезды» грязи и крови, тем ярче она должна сиять, чтобы их скрыть. Эту игру нелегко принять даже молодому честолюбцу, для которого слава – единственная ценность. Но как с этим справится его невеста, у которой была одна цель в жизни – любить и быть любимой?..

ISBN 5-17-037998-6

© Малышева А. В.

© АСТ

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	38
ГЛАВА 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анна Витальевна Малышева

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

ГЛАВА 1

Что, в сущности, я о нем знала? Мне казалось, что довольно много... Достаточно, чтобы думать, будто мы с ним близки. Достаточно, чтобы ошибаться.

Он высокий, можно даже сказать – длинный. Выше меня на две головы и при этом весит на пятнадцать килограммов меньше, чем я. Но как скелет не выглядит. Скорее, он похож на манекен из витрины – размера этак сорок второго. Похож еще и потому, что в его внешности всегда было что-то искусственное – слишком светлые волосы, слишком длинные черные ресницы, слишком яркие губы. Но я-то знаю – он не красился и не обесцвечивался. Таким он родился, так уж ему повезло. Но на него иногда нехорошо посматривали – принимали за «голубого». Подруги задавали мне осторожные вопросы, а я смеялась. Пересказывала все ему, и он смеялся еще больше. А когда он улыбался, у него над верхней губой появлялась глубокая смешная морщинка – как дужка над буквой «й». Он обожал музыку. Прекрасно рисовал. Говорил, что хотел бы стать рок-музыкантом или художником...

В своих мечтах он и был тем или другим. Он предал меня, что ж, сейчас я предам его. Вот этого о нем точно никто не знал, даже родная мать. У него была не одна жизнь, как у всех, а две, может, даже больше. В реальности, в ЭТОЙ реальности он продавал компакт-диски в одном из крупнейших музыкальных магазинов города. Был доволен своей работой. Жил со мной... Обожа́л шоколад, и во всех карманах у него вечно топорщились смятые фантики. До обморока боялся зубных врачей, и я его водила к стоматологу, как маленького, за ручку. Ждала, когда он выйдет, сидя у кабинета, и ощущала какую-то странную гордость. Он доверял мне (я так считала). Не боялся показаться смешным и слабым. Рассказывал о своих фантазиях – мне, только мне. Я знала, что в своем воображении он живет другой, параллельной жизнью. Что он – лидер хард-роковой группы. Кумир тысяч поклонников. Образец для подражания. Номер один. И это была не какая-нибудь застарелая детская мечта – нет, его воображаемая карьера стремительно развивалась. У него часто бывал остановившийся, блаженный взгляд. Я тогда знала, что он «ушел» в тот, другой мир. Но никогда не беспокоилась, не переживала. Чем это хуже алкоголя, наркотиков или Интернета? Я до сих пор думаю, что эти мечты были ему необходимы. Иначе он бы просто перегорел. Сломался. Как ломаются люди, когда понимают, что живут не в то время, не в том месте, не с тем человеком... Занимаются не своим делом. Он был от этого застрахован. Это было не безумие, а вполне мудрый выход. Отдушина. Или нет – что-то вроде страховки, запасного парашюта. Запасная жизнь, яркая подкладка, подшитая к нейтральной реальности. И я не ревновала его к этой жизни, хотя и догадывалась, что там у него совсем другие подруги. Еще бы – есть из чего выбрать! В ЭТОЙ жизни он любил меня. Я была уверена, что любил...

В детстве он был левшой, но его переучили, и почерк у него просто ужасный – я никогда не могла разобрать его каракули. Может быть, поэтому его последнюю записку читала почти полчаса. Вглядывалась в кривые безобразные буквы, шевелила губами, как полуграмотная, расхаживала по квартире, включала одну лампу за другой, как будто дело было только в плохом освещении.

Но самое удивительное, что я, кажется, сразу поняла, что именно он мне написал. Иначе – почему я сразу разволновалась, едва увидела этот листок с шестью строчками? И теперь я спрашиваю себя – неужели я что-то предчувствовала? А может быть, просто научилась разби-

рать его каракули куда лучше, чем считала про себя. Все-таки мы прожили вместе два года. Прожили так, что лучше не бывает.

Помню, я в конце концов заставила себя выпустить из рук эту записку. Сначала я вцепилась в бумагу так, будто это был рукав его рубашки, будто так можно было его удержать, притянуть к себе, заставить дать объяснения. Потом пробежала по квартире, осмотрела шкаф с одеждой, полки в ванной, подставки для компакт-дисков. Не знаю даже, встревожилась я еще больше или этот обыск меня немного успокоил. Все выглядело так, будто он уехал ненадолго – дня на четыре, скажем. Забрал только что выстиранные мною джинсы, майку, теплый свитер. Взял бритвенные принадлежности, туалетную воду «Драккар Нуар» (такую же, как у своего кумира Элиса Купера). Несколько дисков, CD-плеер. И все, понимаете, все! С текстом безумной записки это никак не вязалось. И я решила, что нужно подождать. Те самые четыре дня, на которые ему должно было хватить чистой одежды, туалетной воды (там оставалось совсем на донышке), пока ему не надоест крутить одни и те же диски – «Нирвана», «Содом», «Тиамат», последний альбом Дэвида Боуи. Тогда он вернется.

Вернулся он, черта с два! Я ждала даже не четыре дня, а все пять. Самое противное, что надвигался Новый год. Сперва я, насмотревшись телевизора, решила, что наступает новый век, и с ним – тысячелетие, но Женя на пальцах мне разъяснил, что я поторопилась, и люди с научным складом ума подождут еще годик. Дескать, «ноль» на конце даты всегда означает не начало, а конец. «Тебя что, не учили считать до десяти?» – горячился он, и я в конце концов согласилась. Но в глубине души продолжала считать, что наступает новое тысячелетие. При чем тут круглые десятки, мы же не в магазине. И у кого это научный склад ума – не у него ли?! Однако я предпочитала молчать – он и так раздражался все чаще, по телевизору постоянно говорили про новое тысячелетие, и Женя каждый раз переживал, что журналисты обманывают кучу людей. А может, это раздражение имело совсем другую природу – может быть, он просто маскировал этим дурацким Новым годом что-то другое... Теперь мне так кажется, но тогда я только посмеивалась – какой он все-таки еще ребенок!

Я думала, он хотя бы позвонит. У меня было по крайней мере десять телефонов, по которым я могла позвонить сама, чтобы найти его... Или какие-то его следы. Но я не прикасалась к трубке. Что это было – не знаю. Обида. Идиотская гордость – в таких случаях говорят «женская гордость», но вряд ли это чувство имеет определенный пол. Так же, как и зависть. Или любовь. Одним словом, я решила дожидаться, когда он сам сообразит, что записки совершенно недостаточно. Что так не поступают. Нормальные люди, во всяком случае.

Да и времени у меня совсем не было. Перед праздниками все будто с ума посходили. На радио, где я работаю внештатным корреспондентом, на меня навалили кучу разной ерунды. Казалось бы, перед Новым годом должны быть какие-то необычные задания, но меня посылали на абсолютно не интересные мне тусовки. Да еще и браковали каждые два материала из трех. Я в самом деле халтурила, писала бог знает как, только бы отвязаться. Хуже, чем обычно, хотя я и раньше не блистала... Иначе бы меня взяли в штат, и жизнь стала бы спокойнее, определенной. Требовалось выдерживать шуточный, принятый у нас на радио тон, о чем бы ни шла речь. А мне было не до шуток. Ну совершенно... Потому что я никогда не ощущала так ясно, что потерпела поражение. Потому что у меня постоянно возникал вопрос – за что? Его поступок был похож на пощечину – совершенно не-ожиданную, несправедливую... И было очень больно.

Я сменила постельное белье, убрала вторую подушку. Она пахла его волосами, и от этого у меня начинались спазмы в горле, а моя собственная подушка начинала промокать. Классика. Наверное, такое бывает со всеми брошенными женщинами. И было ужасно, что теперь я могла приписать себя к этой армии, многочисленной и агрессивной. Настолько ужасно, что я в это не верила. Повторяла про себя – это шутка, очень дурная и глупая, он выкинул коленце и уже раскаялся, просто не знает, как мне позвонить, как прийти, что сказать, чтобы отменить свою безумную, жестокую записку. Наверное, он просто слишком заигрался в своей запасной жизни.

Вообразил, что ему все можно. Что я все прощу. Впрочем... Разве бы я не простила? Если бы только он вернулся...

А он не возвращался. Вечером двадцать восьмого, разговаривая с редактором на радио, я была в таком состоянии, что та наконец перестала меня распекать за испорченный репортаж и довольно ласково спросила, что у меня случилось. Я ничего не стала объяснять. Сказала только, что очень устала, и это тоже была правда.

– Мы все устали, – призналась она. – Однако, Наденька, нужно взять себя в руки. Ладно, из твоего репортажа сделаем информацию, что уж теперь. Спасибо, что он не заказной.

И не успела я удивиться такой снисходительности, как она добавила:

– Позвони мне завтра, вроде бы наклеивается интересная презентация шампанских вин. Заодно выпьешь там, расслабишься. Нам утром пришлют приглашение на два лица.

Я сказала что-то вроде «большое спасибо». Или что-то такое же равнодушное. Благодарить нужно было намного горячее. Она могла вообще разнести меня в пух и прах и выгнать, а вместо этого посылала меня пить шампанское. Только я не могла любезничать, «брать себя в руки», расслабляться. Меня добило приглашение на два лица. Второго лица у меня больше не было. Оно болталось бог знает где, черт знает с кем. И в тот вечер я, наконец, решила взяться за дело.

Для начала, вернувшись домой, я набрала номер его родителей. Точнее, родительницы – отец Жени развелся с ними, когда тому было лет восемь, давно воспитывал другого сына... Они созванивались с Женей по праздникам, и я решила, что вряд ли он в курсе последних событий.

Трубку взяла Шурочка, младшая сестра Жени. Ей двадцать пять, она моя ровесница, но кажется мне ребенком – таким наивным, легкомысленным. Своих приятелей она до сих пор называет «мальчиками», хотя какие уж там мальчики, одному уже под сорок.

– А я как раз собиралась вам звонить, – обрадовалась Шурочка. – Вы на Новый год куда? Может, будете встречать с мамой? А то...

И она быстро выложила мне свой простенький эгоистичный план. Конечно, один из ее «мальчиков» пригласил ее на новогоднюю ночь в какой-то клуб, где будет шоу, дискотека, маскарадные костюмы и куча бесплатной выпивки. Но оставлять маму одну под елкой неловко, и Шурочка рассчитывала, что мы с Женей ее выручим. Я слушала ее и понимала, что сразу же сделала неверный шаг. Женя ушел вовсе не к ним. Иначе его мать позвонила бы мне в первый же вечер. А как же? Ведь она уже привыкла считать нас мужем и женой, хотя в ЗАГС мы не ходили, да и не собирались этого делать. Она бы сразу забеспокоилась, что у нас случилось... Нет, я все-таки не в себе. Определенно теряю рассудок... Права моя редакторша на радио, нужно держать себя в руках.

– Ну так какие у вас планы? – поинтересовалась Шурочка.

Я уклончиво ответила, что пока мы ничего не решили. Что вариантов целая куча, но мы, конечно, обдумаем и ее предложение. Я говорила как можно спокойней, пыталась делать вид, что меня ничто не волнует. Не хотелось выкладывать все Шурочке. Только не ей. Она обожает брата, относится к нему, как к любимой игрушке, и сразу поднимет панику. Перепугает свою мать. А та... Та тоже дрожит над своим единственным сыном. Красавец, умница, милый, добрый... Всегда такой внимательный... Настолько внимательный, что даже не поставил мать в известность, где сейчас находится.

Последняя мысль была какая-то не моя. Я никогда не думала о нем с иронией или злостью. А теперь начала. Может, потому, что оказалась в дурацком положении – Шурочка попросила к телефону брата. Я ответила, что он задержался у себя в магазине, у них перед праздниками запарка, пришла свежая партия дисков...

– Ну ладно, когда вернется, пусть сразу мне позвонит, – поставила она условие. – Уговори его, чтобы на Новый год идти к маме! Пока!

И первая положила трубку. Я минуту приходила в себя и обдумывала положение. Мне-то хорошо было известно, как мать и сын тряслись друг над другом. Они докладывали друг другу, хотя бы по телефону, о самых незначительных происшествиях в своей жизни. Он мог ей позвонить просто для того, чтобы поделиться впечатлениями от нового фильма. Редкий случай взаимопонимания. Идеальные отношения. У него даже голос менялся, когда он разговаривал с мамой. Казалось, что говорит мальчик лет десяти – отличник, паинька. Меня это смешило, но я никогда не говорила ему об этом. Однако паинька, похоже, взбунтовался. Мне он хотя бы оставил записку. А матери – ничего. И уже завтра, и уж точно за день до Нового года, мне придется все выложить его маме и сестре. А что я им скажу, если сама ничего не понимаю?

Я решила, что самым разумным выходом будет отправиться в магазин, где он работал. От меня-то уйти можно, а вот от работы... Тем более что никаких других источников дохода у него не было. Его отец ограничивался небольшими денежными подарками на дни рождения Жени. Мать работала бухгалтером в какой-то загадочной конторе, которая то прогорала, то начинала процветать, но ни разбогатеть, ни окончательно разориться никак не могла. И доходы у нее были соответствующие – то густо, то пусто. Первое время, когда мы с Женей решили снять квартиру, чтобы жить отдельно, она нам здорово помогала. Потом он сам отказался от ее помощи.

Словом... Я была уверена – работу он бросить не решился. Сбережений тоже сделать не мог – я бы знала, заметила. Все эти дни, когда я его ждала, меня тянуло отправиться в музыкальный магазин. Но что-то мешало. Черт его знает что. Наверное, даже гордость тут ни при чем. Просто я боялась увидеть его, да еще в такой обстановке – при коллегах, при покупателях... А вдруг бы кто-то из нас не выдержал, начал скандалить... Или еще хуже – если он рассказал про свой уход кому-то из приятелей, те стали бы рассматривать меня, оценивать, как я держусь... Это была бы такая гадость! Но теперь мне стало на это наплевать. Магазин в это время, конечно, закрыт, но у меня был домашний телефон его друга – тот работал в отделе напротив, где продавались музыкальные видеокассеты.

Я часто с ним виделась, когда заглядывала в магазин. А вот звонила ему всего один раз в жизни – когда у Жени среди ночи поднялась высокая температура, и нужно было кому-то сообщить, что на работу он не выйдет. Зато я была хорошо осведомлена обо всех подробностях жизни Мити – мне рассказывал муж... Я оговорила – «муж», и мне стало еще хуже. Точнее будет сказать, «одумалась», но от этого ничего не меняется. Когда я разговаривала с подружками, я называла Женю – «мой друг», «мой жених», просто «мой»... Но про себя все чаще начинала называть его мужем. Мне даже казалось, что мы уже поженились... Конечно, за несколько дней от этого чувства не отвыкнешь. Что ж, тем хуже для меня.

Я знала, что Митя – продавец из отдела видеокассет – живет в однокомнатной квартире вместе со своей бабушкой – весьма суровой старушкой. Муж, то есть Женя, рассказал мне, что бабушка поставила внуку жесткое условие – жить с ней, если он хочет получить эту квартиру по наследству. Других претендентов на это наследство было предостаточно... А вот других возможностей обзавестись своей квартирой у Мити не было. Так что этот парень, двадцати трех лет от роду, спал у бабушки за шкафом, отчитывался ей, почему задержался на работе, и никогда не смотрел телевизор после полуночи – бабушка этого терпеть не могла. Приводить девушек, естественно, ему запрещалось, да и как с ними общаться под суровым надзором старухи? Теоретически он мог, конечно, сам отправиться в гости к девушке... Но когда Митя осмеливался переночевать в другом месте, бабушка устраивала ему такие сцены, что бедный парень долго прикидывал, стоило ли идти на такие жертвы...

Я взглянула на часы – начало одиннадцатого. Набрала номер. Услышав мужской голос, извинилась за поздний звонок, назвала свое имя, спросила о Жене. И уже по тому, как тот запнулся, поняла – ему все известно. Про то, что меня бросили, по крайней мере.

– Знаешь, Надя, – выговорил наконец он. – Ты это не принимай близко к сердцу. Он скоро вернется.

Ох, как же мне было плохо... Вот чего я боялась – этих утешений, наставлений, уговоров. Я знаю, кому-то как раз такие вещи и нужны, а вот я их просто не переношу. Если случается беда, то мне легче, когда люди делают вид, что со мной ничего не случилось. Может, это просто вид самовнушения, не знаю, но мне от этого и правда становится легче.

– А на работу он ходит? – спросила я, игнорируя его утешения.

– Пока да, – ответил Митя. – Но с Нового года он увольняется. Надь, да ты не переживай. Я думаю, что он не уволится. Где Женька еще найдет такое место? Нормальная зарплата, кругом куча его любимой музыки... У него какое вообще образование?

Образование у Жени вообще-то было, но какое-то странное. Учился в нескольких местах, но ничего не закончил. Обычная школа, конечно, плюс музыкальная, да еще художественная, и два года музыкального училища (диплома не получил), и год – какие-то странные курсы, не то актерские, не то режиссерские... Я и сама толком не знала. Митя меня успокоил еще раз:

– Кто же его возьмет на нормальную работу без диплома, без знакомств?.. Куда он собрался-то, ты сама в курсе?

Я ответила, что нет. Что сама хотела бы знать, как он теперь собирается жить, чем заниматься. Я пыталась говорить спокойно, даже весело. Поймала себя на том, что у меня на губах появилась улыбка – напряженная, наверное, очень некрасивая. Митя, конечно, этого не видел, и слава богу. Потому что он тоже приободрился, когда сообразил, что я не пала духом.

– Он домой не приходит? – по-деловому осведомился он. – И не звонит? Так что же ты – зайди завтра на работу, поговори с ним. А то ведь потом и концов не найдешь.

Ну вот, и проговорился. Стоило меня утешать, если он сам уверен – Женя ко мне не вернется. Я вежливо ответила, что подумаю. Может быть, зайду. Попросила его не сообщать Жене, что я звонила. Мне так хотелось спросить... О том, что давно вертелось у меня и на уме, и на языке. Может быть... Все-таки должна ведь быть причина... Ну а вдруг та девушка (или женщина) заходила к Жене в магазин? Потому что – я очень подозревала – без девушки тут не обошлось. Разве могла быть другая причина? Такая причина, о которой Женя мог умолчать? Ведь он же ничего не объяснял в своей записке. Я помнила ее наизусть.

Он писал, что если не уйдет сейчас, то уже не решится на это никогда. (О Господи, какой ужас, неужели ему было так невыносимо со мной жить!) Писал, что если останется, то рехнется или покончит с собой. (Что-то я не замечала, что ему так плохо! Или была слепа?!) Просил понять его. (Рада бы понять, а как?) Хорошо еще, что не просил простить... Сообразил, наверное, что это было бы уже наглостью. В последних строчках сухо обещал, что мы еще обязательно увидимся... Когда придет время. Точка. Подпись.

Про его ужасный почерк я уже говорила, но даже если я пару слов поняла не так, общий смысл от этого не меняется. Ну и кем я чувствовала себя после такой записки? Полным ничтожеством, разумеется. Да еще и глупым ничтожеством, потому что ничего, ровно ничего не понимала. Ни куда он ушел, ни зачем, ни почему. Главное, конечно, – почему.

Потому что еще накануне – я это потом вспоминала – мы лежали в постели, обнявшись, тихо слушали музыку. На полу возле кровати горела свечка – он сам укрепил ее в рюмке, накапав на доньшко горячего воска. Подсвечника у нас не было. В нашем хозяйстве не было многого, но разве от этого мы чувствовали себя несчастными? У нас даже не было собственного дома. А зачем нам был собственный дом? Мы ведь любили друг друга – мне казалось, что ничуть не меньше, чем два года назад, когда только начали встречаться. Во всяком случае, я его любила... Надо приучаться говорить только за себя.

– Надя, ты слушаешь, Надя?

Надо же, а я думала, что повесила трубку! Оказывается, сидела у телефона, зажав ее в руке, смотрела в пустоту... Я извинилась и услышала в ответ:

– Знаешь, к нему в последнее время на работу заходил какой-то мужик. Ничего не покупал, но долго с ним разговаривал. Вечно они отойдут в уголок и шепчутся – чуть не по часу. Потом Жене сделали замечание, что он сачкует, и мужик перестал приходить. А как-то после работы я увидел, Женя садится к нему в машину. Приличная, знаешь ли, тачка. Ты с этим человеком знакома?

Я ответила, что нет. Правду сказать, я испугалась. Все мои домыслы о какой-то девице, которая увела моего жениха, тут же показались мне смешными. О девице я бы давно узнала. И он бы так прямо мне и сказал. Я переспросила Митю, что это была за машина. Оказалось – иномарка, синяя или черная, было уже темновато, Митя толком не рассмотрел. Мне стало еще хуже. Не знаю почему, но люди в иномарках меня всегда немного пугали. Они мне казались какими-то... Ну инопланетянами, что ли.

– Он завтра будет на работе? – спросила я.

– Будет, наверное, – Митя неожиданно понизил голос. – Ну все, я больше не могу разговаривать. Увидимся! Ты зайди, поговори с ним!

И повесил трубку. Я даже улыбнуться не смогла, хотя, конечно, это было забавно – взрослый парень, а как маленький, боится, что бабушка будет его ругать за долгие разговоры по телефону. Каждый сходит с ума по-своему. Но со своим сумасшествием я решила подождать. По крайней мере пока не узнаю, что случилось. Не могла же я оставить все как есть! Что мне тогда оставалось делать? Перечитывать его записку? Обдумывать самоубийство? Завести любовника?

Я снова перелистала записную книжку. Можно позвонить Зыкиным – это, в конце концов, его друзья. Наши ровесники, семейная пара. Настоящая семейная пара, побывавшая в ЗАГСе и в церкви, устроившая шумную свадьбу. Они приходили к нам на его последний день рождения, только... Кажется, это пустой номер. Зыкины сейчас ждут ребенка, заняты друг другом и больше никем. Вряд ли Женя поделился с ними своими переживаниями.

Следующая страничка на букву «И». Иван. Кто такой Иван? Явно не мой знакомый, понятия не имею, кто такой. Но почему он оказался записанным в моей книжке? Может быть, это зубной врач или какой-то человек, у которого я брала интервью... Ну нет, были бы пометки, я всегда их делаю. Тогда – кто? Я перевернула страничку, но и там не нашла никаких указаний на эту загадочную личность. Зато между страниц лежали два билета на электричку, от второго декабря этого года. Я рассматривала их, пытаюсь сообразить, куда это мы ездили с Женей в этом декабре и почему я этого совершенно не помню. И вдруг вспомнила!

Мы в самом деле никуда не поехали. Все изменилось в последний момент – Женя оставил меня на вокзале, в пригородных кассах, стоять в очереди и брать билеты, а сам пошел позвонить. Вернулся он, когда я давно уже запаслась билетами и одиноко мыкала горе под электронным табло.

– Все отменяется, – сказал Женя. – Поехали домой.

А когда я спросила, что случилось, он ответил, что Иван приболел, и вечеринка отменяется. Ну точно, мы собирались ехать к этому самому Ивану! Я была с ним еще не знакома, а Женя познакомился с ним недавно, на рок-концерте. В Москву приезжали «Слэйд», и Женя, конечно, рубился в первом ряду танцевального партера. А я не пошла – не смогла, на меня навесили очередное задание, и отказаться было невозможно. Мне так хотелось, чтобы меня взяли в штат этой радиостанции, что я была готова отказаться от любого удовольствия. Слов нет, от удовольствий я отказываться умею. Да вот только никаких плодов это самопожертвование пока не принесло. Может быть, я что-то делаю не так? Кстати, тот репортаж тоже зарубили. Нет, мне пора серьезно задуматься о жизни. Если бы я пошла на концерт, я бы, по крайней мере, знала, что представляет из себя Иван.

Я попыталась припомнить все, что рассказал о нем Женя. Кажется, этот парень имеет отношение к какой-то московской группе, которая не то разогревала публику перед «Слэй-

дами», не то просто тусовалась в качестве зрителей. Вот этого не вспомню. А вот что Женя пил пиво с этим парнем после концерта, в буфете – знаю точно. Он сказал, что они с Иваном познакомились совершенно спонтанно – все зрители после концерта были в приподнятом настроении, улыбались друг другу, братались... В общем, получили мощный положительный заряд. Так вот, оказавшись за одним столиком в буфете, парни сперва поделились друг с другом впечатлениями от концерта, потом завязался разговор о музыке вообще. У них оказались общие пристрастия. Ох, я-то знаю, Женю хлебом не корми – дай поговорить о музыке. А когда он находит единомышленника – может болтать часами. Я прожила с ним два года и за это время научилась разбираться в разных стилях, с первых звуков узнаю многие песни, могу порассуждать об истории рок-н-ролла... Но где мне до Жени! Он плавает в этом как рыба в воде.

Да, в тот вечер он здорово задержался. Я теперь вспомнила, что Женя приехал домой около часа ночи. А концерт окончился около десяти. Я не из тех, кто спрашивает своего парня, «где ты был?!» или дуется за опоздание... Но я все-таки тревожилась за него, мало ли что, на обратной дороге могли привязаться какие-нибудь придурки... Я ведь уже говорила – на него иногда нехорошо посматривали, слишком уж яркая внешность, кому-то могло показаться, что он подкрашивает ресницы и губы. Но тогда все обошлось. А через две недели он заявил, что в воскресенье мы едем к Ивану – он нас пригласил в гости, к себе на дачу. Я согласилась – мне было все равно, куда ехать, только бы с Женей. Но поездка не состоялась, и больше я об Иване не слышала. А его телефон переписала к себе в блокнот во время какой-то уборки – нашла на столике клочок бумаги с именем и номером. Бумажку я выбросила, чтобы не разводить в доме мусор, а номер сохранила.

Я в конце концов решила и набрала номер Ивана. Время было, конечно, позднее, но человек, который привык развлекаться на концертах, вряд ли уже спит. Этот вопрос меня как раз не волновал. Заботило другое – как представиться, если мы никогда не виделись, как спросить о Жене... Может, он даже его фамилию не знает? Вряд ли они обменялись паспортными данными... Пока в трубке звучали долгие гудки, у меня было несколько секунд, чтобы обругать себя за недомыслие. А потом на другом конце провода взяли трубку.

– Можно Ивана? – спросила я. И выругала себя еще раз, потому что к телефону подошла женщина, судя по голосу, молодая. Вот возьмет и не позовет его... Но она даже не спросила, кто звонит. Я и сама никогда не спрашивала имени, когда к телефону просили Женю. Мне всегда казалось, что это невежливо.

Голос у Ивана оказался приятный – мягкий, чуть хриловатый. Он выслушал мои объяснения и не послал меня к черту. Наоборот, сразу принял такой тон, будто мы с ним были давным-давно знакомы. И оказалось, что я позвонила ему не зря.

– Знаешь, последний раз, когда Женька ко мне заходил, он был какой-то сам не свой, – сообщил Иван.

Значит, Женя встречался с ним, и не раз? Ладно, я это проглотила, в конце концов, он был не обязан мне ни в чем отчитываться. Я только спросила, когда это было?

– Двадцатого декабря, – тут же ответил Иван. – Женька мне позвонил с работы, я его позвал в гости, у моей подружки был день рождения, и мы как раз собирались... Кстати, я же вас обоих приглашал!

И это мне тоже пришлось проглотить. Меня, во всяком случае, никто никуда не приглашал. Женя предпочел пойти один... Ну ладно. Мне впервые пришло в голову, что, возможно, он меня стыдился?! Это была слишком неприятная догадка, и я постаралась не думать об этом. Сейчас, по крайней мере. Я сосредоточилась на рассказе Ивана. А тот рассказал, что когда приехал Женя, он вел себя немного странно.

– Нет, сперва все было хорошо, – говорил Иван. – Он привез бутылку вина, правда, сам-то пил водку. Посидели, поболтали... Он курил и ничего не ел. И странно как-то на меня

поглядывал, мне показалось, что он хочет поговорить. Но у меня была куча народу, негде уединиться. Я его даже прямо спросил – может, что случилось?

Женя ответил ему, что позвонит – завтра или на днях. Ушел он одним из первых, когда веселье было в разгаре. Иван даже не заметил, когда он исчез из-за стола.

– У меня остался какой-то осадок, – признался он мне. – Я даже думал, может, он обиделся, что я не нашел для него времени... Но ты же понимаешь, как бывает на вечеринках – дым коромыслом. Кстати, он мне так и не позвонил. Ты уверена, что с ним что-то серьезное?

– На работу он ходит, значит, жив и здоров, – ответила я, стараясь говорить спокойно. Меня больше всего задело, что я впервые слышу об этой вечеринке.

– Ладно, извини, что побеспокоила.

Я хотела попрощаться, но тут он меня ошарашил в последний раз. Он, думаю, попытался таким образом меня успокоить.

– Ты не бери в голову, – посоветовал мне Иван. – Я уж понял, что он человек непредсказуемый. Например, как он рвался ко мне на дачу, я же помню! Там собиралась вся наша группа, он хотел познакомиться. И в последний момент позвонил и сказал, что вы не приедете, все отменяется.

– Но ты же заболел! – вырвалось у меня.

Иван очень удивился и заявил, что за эту осень, слава богу, не болел ни разу. А я уже поняла, что Женя мне соврал. Послал меня брать билеты, которые нам так и не пришлось использовать, и отправился позвонить... Зачем? Чтобы подтвердить, что мы приедем? Иначе, зачем он позаботился о билетах, зачем вообще потащил меня на вокзал? Но в последнюю минуту, видно, передумал, отказался от приглашения... А для меня выдумал историю с болезнью. И я ему поверила. Как верила в общем-то всегда.

– Надя, ты слушаешь? – донесся голос из трубки. – С тобой все в порядке?

И я ответила, что со мной все прекрасно. Поблагодарила его за участие, обещала перезвонить... Хотя, кладя трубку, не могла понять, зачем я это пообещала. Ему это не нужно, а мне – тем более. Мне было нужно только одно – понять, откуда взялось все это вранье. И очень некстати (хотя, может, как раз ко времени) я вспомнила слова своей мамы. Когда она впервые увидела Женю, то сразу сказала мне, что мы с ним друг другу не подходим. Я, конечно, сразу завелась, потребовала объяснить, что ей в нем не понравилось.

– Дело не в том, что он мне не нравится, – ответила мама. Она, как всегда, говорила со мной слегка покровительственно, как будто мне все еще было десять лет. – Беда в другом, вы с ним такие разные...

Конечно, тогда я ничего не поняла. Расплакалась (какая же я в самом деле была дурочка), сказала, что уже взрослая и могу сама выбирать, с кем знакомиться и проводить время. Он был моим первым парнем, так что я сразу решила – мама просто хочет, чтобы я подольше оставалась ребенком. Ей было неприятно, что у меня появился кавалер... Что я заинтересовалась еще чем-то, кроме учебы. И только сейчас я начала подозревать, что мама разглядела в нем куда больше, чем я. Особенно в первое время. Она, конечно, ничего не знала о его второй, запасной жизни, но сразу увидела, что эта, настоящая жизнь, не очень-то его волнует. А если я – часть этой настоящей жизни, значит...

Додумывать не хотелось. Я отключила телефон – если Шурочка захочет дозвониться, пускай попробует. Приняла душ, почистила зубы. Завела будильник – с утра нужно было звонить в редакцию. Презентация шампанских вин? Великолечно. Приглашение на два лица? Того лучше. Найду, кого позвать. У меня тоже есть друзья, а от такого мероприятия не отказываются. Я легла, погасила свет и пообещала себе, что все еще будет хорошо. Также пожелала себе веселых праздников, счастливого Нового года, а еще спокойной ночи.

И в результате проворочалась с боку на бок до пяти утра.

* * *

Оказывается, моя редакторша слов на ветер не бросала. Уже в полдень у меня на руках оказалась симпатичная синяя открыточка, которая и являлась пропуском на презентацию. Наверное, я все-таки вызвала у этой женщины какие-то материнские чувства, иначе почему она послала на это мероприятие именно меня? Туда был бы рад пойти любой штатный сотрудник. На прощание она очень выразительно напомнила, что репортаж заказной, и портить его – себе дороже.

– Короче, Наденька, или ты его делаешь, и делаешь хорошо, или мы расстаемся, – сказала она, разглядывая круги у меня под глазами. – Мне-то нравится, как ты работаешь. И стиль у тебя подходящий, и коммуникабельность налицо. Вот только твоя расхлябанность меня немножко пугает.

И очень выразительно заключила:

– Если хочешь чего-то добиться – составь себе хотя бы расписание.

Я пообещала сделать это сегодня же. Насилу выдавила улыбку, спрятала приглашение в сумку и заодно проверила – на месте ли диктофон, есть ли запасные батарейки. Презентация начиналась в шесть вечера в крупном торговом центре на проспекте Мира. У меня была куча времени, чтобы привести себя в порядок, раздобыть недостающее «второе лицо», купить что-нибудь к Новому году – ведь я до сих пор не запаслась подарками...

Вместо этого я поехала в музыкальный магазин. В метро, когда я сидела в вагоне, закрыв глаза, передо мной несколько раз вставало лицо редакторши. Я ни на минуту не забывала о том, что она пообещала мне и что я пообещала ей. Мне нужно было сосредоточиться на работе и забыть обо всем остальном. О, это я очень хорошо понимала! Она говорила о расхлябанности и, может, была права. Хотя я вообще-то редко куда опаздываю, о чем-то забываю. Беда в другом – я, кажется, заразилась от Жени его болезнью и живу параллельно в двух мирах. Особенно с тех пор, как он пропал. В том, другом, запасном мире мы с ним все еще вместе. ОТТУДА он не уходил. ТУДА я возвращаюсь в своих мечтах, и ТАМ я счастлива. Я воображаю, как мы с ним гуляем по Москве, сидим в кафе, наряжаем елку, тайком друг от друга заворачиваем подарки... И всерьез пытаюсь представить, что он подарит мне, и придумываю, что же подарить ему...

А когда я прихожу в себя и возвращаюсь в реальность, то она кажется мне не такой уж важной. Не такой уж обязательной. Не такой реальной, в конце концов! Какое мне дело до этих шампанских вин, например? У меня от шампанского изжога, я его терпеть не могу! И почему именно я должна идти туда, изображать искренний интерес к предмету презентации, с кем-то общаться, о чем-то говорить? Почему я должна жить в ЭТОМ мире, если мне куда лучше в ТОМ?! Кажется, я начинала понимать Женю. Все лучше и лучше. А может быть, у меня просто всерьез начиналась депрессия.

– Девушка, вы будете выходить?! – рявкнул голос у меня над ухом.

Моя станция! И двери уже открылись, а я, оказывается, стою на пороге вагона, мешая другим пассажирам. Держать себя в руках...

На подходах к магазину я остановилась и вытащила сигарету. Надо признаться, что я трусила. Трусила так ужасно, что готова была развернуться и уехать куда глаза глядят – подальше отсюда. Я стояла у стеклянной стены быстро, под навесом, чуть не по колено в коричневой халве растоптанного снега. Брюки, конечно, промокли, к вечеру на них проступят соляные пятна. И конечно, это случится как раз на презентации. Ну и пусть. Я ни перед кем не собираюсь притворяться, что приехала на машине. Мимо меня непрерывно шли люди – в этом месте их всегда очень много, в любое время дня. Вид у всех был ошарашенный, какой-то дикий. Я смотрела на них и удивлялась – что это с ними случилось? Потом до меня дошло. Конечно, Новый год на носу! По мнению многих – новое тысячелетие, вот они и не знают, как прыг-

нуть выше головы, отметить праздник как-нибудь необыкновенно... Но теперь я решила, что все-таки подожду с тысячелетием еще годик. Не из солидарности с Женей, вовсе нет. Просто в этом году я еще не готова к такому событию. Не тем занимаюсь, думаю не о том, не так живу. И совершенно не ощущаю, что наступает праздник. Что через три дня – Новый год. У меня нет ни елки, ни даже еловой ветки. Ни игрушек, ни красивых свечей. Нет даже «второго лица», чтобы отправиться с ним на презентацию. А если я угроблю этот репортаж – работы у меня тоже не станет, а значит, я лишусь средств к существованию. Весьма скромных средств, конечно, но все же...

Тут я впервые подумала о том, как буду жить, если Женя все-таки не вернется? Квартиру мы снимали у его близких друзей, и по знакомству – очень дешево. Что же будет теперь с этой квартирой? Оставят меня в ней как бывшую невесту Жени – и за ту же плату? Останусь ли я сама на таких условиях? Да и смогу ли оплатить эту квартиру? Ведь в основном зарабатывал Женя. Он платил из своей зарплаты за квартиру, за еду, за наши развлечения. Я оплачивала менее заметные статьи бюджета – покупала хозяйственные мелочи, платила за свет, приобретала кое-что из одежды, когда получала очередной гонорар. Это случалось нечасто. И если он не вернется, мне придется собрать свои вещи и вернуться к родителям. Вернуться с полным поражением. Мама, конечно, скажет, что заранее меня предупреждала. Она и в самом деле предупреждала... Но о чем можно предупредить человека, который счастлив? Который влюбился впервые в жизни, да так, что решил, будто это навсегда?

Я выбросила окурок и отряхнула брюки от снега. Приказала себе быть спокойной и сдержанной – иначе опозорюсь перед кучей народу – я ведь знаю всех продавцов в магазине. А затем прошла мимо быстро и потянула на себя знакомую стеклянную дверь, обклеенную афишами концертов...

ГЛАВА 2

...И сразу же повела себя донельзя глупо. Вместо того чтобы пройти к прилавку, за которым стоял Женя, я остановилась у входа и стала рассматривать витрину с музыкальными журналами. В этой витрине отражался отдел напротив – его отдел. И я видела Женю за прилавком – он стоял, опершись локтем о стекло, и водил по нему пальцем. Рядом с прилавком околачивалась какая-то девчонка, она тоже рассматривала витрину. Наверное, он помогал ей найти нужный диск. Я следила за ними, не оборачиваясь, делая вид, что целиком сосредоточилась на журнальных обложках. До чего это было нелепо – ведь меня в магазине все знали, по крайней мере, в лицо... И конечно, у продавца журналов сразу возникли вопросы – как только он рассмотрел меня получше.

– Надя? – удивился он, тут же переводя взгляд на отдел компакт-дисков. – Ты что-то хочешь найти? Помочь?

Я попросила последний номер «Рок-сити» и полистала его, совершенно не соображая, на что смотрю. Краем глаза я видела, что парень делает Жене какие-то знаки. Ну вот, меня наконец заметили. Глупее себя вести я просто не могла. Теперь сразу стало ясно, что я боюсь объясняться.

– Спасибо, – я вернула журнал продавцу. – С наступающим тебя!

– Тебя также, – откликнулся он, но довольно неуверенно. Конечно, он понимает, что происходит. Если все стало известно Мите, то через него узнал весь магазин. Я подумала, что мужики все-таки сволочи, хотя имела в виду всего одного мужика. Неужели Женя не мог держать язык за зубами и не болтать о том, что бросил меня? Ведь все равно собрался увольняться – разве трудно было потерпеть несколько дней?

Девушка все еще стояла возле прилавка. Подходя, я расслышала, что она спрашивает последний диск «Гарбадж», а Женя отвечает, чтобы та зашла ближе к вечеру – диски как раз привезут со склада. Девушка вздыхала, томно облакачивалась на прилавок и снова начинала рассматривать товар. Мне было ясно, что она ничего не купит, просто зашла поболтать с симпатичным молодым продавцом. Но на нее я как раз не злилась. Зато была безумно зла на Женю.

Конечно, все это было написано у меня на лице, потому что он, похоже, испугался. Во всяком случае, в глазах мелькнул страх – на очень короткий миг. А потом Женя взял себя в руки и отошел в другой угол прилавка, оставив девушку рассматривать товар в одиночестве. Я поняла – ему не хотелось, чтобы нас подслушали. Мне даже стало смешно – неужели он думает, что я устрою ему шумный скандал?

– Извини, я сейчас, – тихо сказал он мне и отвернулся к музыкальному центру у себя за спиной. Поставил какой-то диск, сделал звук погромче. Я следила за его руками, он все делал страшно медленно – раскрывал футляр, нажимал кнопки. Ясно, тянет время. Ох, как же ему не хочется объясняться!

Девушка, наверное, удивлялась, глядя в нашу сторону, а она то и дело сюда поглядывала. Если я покупательница – почему ничего не прошу показать? А если знакомая – почему тогда мы стоим по разные стороны прилавка, глядя друг другу в глаза, и молчим? Я-то молчала, потому что очень хотела послушать, что он сам мне скажет. А он... Ему было нечего мне сказать. Когда пауза затянулась дольше минуты, я это поняла. И решила действовать сама.

– Я хотела спросить, как быть с твоими вещами? – заявила я.

– С вещами? А, да... – Женя как будто ожидал чего-то другого и немного растерялся. – Я заберу их... Потом как-нибудь.

– Почему не сейчас?

– Сейчас времени нет.

Я хотела спросить, на что же у него уходит столько времени, но девица не вытерпела и подозвала Женю для консультации. Теперь ей понадобилось узнать, сколько стоит последний диск какой-то девичьей группы. Женя принялся искать этот диск, и даже по его спине я видела, что он мечтает о том, чтобы мы ушли. Обе – и навсегда. Я-то, конечно, могла так поступить – повернуться и уйти. И это было бы правильно и красиво. Потом, пару лет спустя, я, возможно, вспоминала бы об этом с гордостью, считала личной заслугой. И ничего бы не произошло...

Но я осталась. Минут через пять Жене удалось отделаться от девицы. Когда она спросила, есть ли у них диск какой-то русской группы, он с облегчением отправил ее на второй этаж. В его отделе были представлены только зарубежные группы и исполнители.

– Голова совсем не соображает, – сказал он, снова подходя ко мне. – Перед Новым годом все будто с ума посходили. Тебе повезло, выдалось затишье. Самое худшее начнется к вечеру.

– Да, мне повезло, – язвительно ответила я.

Он, наверное, и сам понял, что сморозил глупость, но ни извиняться, ни поправляться не стал. Казалось, Женя опять собирался замолчать, и я снова перехватила инициативу:

– Знаешь, я думала, что тебе дорога твоя коллекция. Ты же так с ней носился, а взял всего четыре диска. Остальное тоже заберешь позже?

Он измученно посмотрел на меня:

– Ты не поверишь, но в последние дни у нас такой наплыв покупателей, что мне уже не до музыки. Даже во сне я кому-то ставлю диски.

– А кстати, где ты спишь?

Он не стал уклоняться от ответа и коротко сообщил:

– У друга.

– А... – Я слегка задыхнулась от обиды. Значит, по его мнению, с меня хватит и такого объяснения? Ладно, пусть! И я спросила, знает ли хотя бы его мама, где он проводит время?

– Ой, Надя, с мамой я разберусь сам, – пообещал он, и я видела, что он опять возмечтал от меня отделаться.

– Ну, знаешь ли, ни твоя мама, ни Шура не знают, что мы расстались, – я заговорила громче, потому что из динамиков понеслось соло на гитаре, и мне приходилось перекрикивать солиста. – Вчера я позвонила им, хотела узнать, может быть, ты там...

– Ты сказала, что я ушел?

Да, теперь он точно испугался. Глаза как будто ушли в тень – в такие минуты мне никогда не удавалось поймать его взгляд.

– Значит, ты боишься им это сообщить? – издевательски спросила я. – Думаешь, они очень расстроятся? Будут тебя ругать? Ладно, хочешь – я возьму все на себя? Все равно уж – раз ты и от них скрываешь, куда переехал, общаться с твоей мамой придется мне.

И тут он сделал одну вещь... Он никогда раньше этого не делал. В общем-то тут не было ничего не-обычного... Многие мужчины так делают... Только вот он – никогда, да и время было неподходящее – мы все-таки расстались. Да и место – магазин... В общем, он поцеловал мне руку – схватил запястье и крепко поцеловал. Я опешила. Мне показалось, что он сошел с ума – что это было, откуда, почему?!. Никогда в жизни он не целовал мне рук. Может, потому, что у нас все началось с дружбы, а друзьям рук не целуют. И мы были почти ровесниками, он всего на год старше. И кстати, мне вообще не нравится, когда женщинами целуют руки. Ни в кино, ни в жизни. В этом всегда есть что-то очень фальшивое. Если мужчина поцеловал мне руку, да еще при первом же знакомстве – я сразу начинаю относиться к нему с подозрением. И то, что Женя выкинул такое под занавес...

– Надь, я тебя очень прошу, – он оглянулся по сторонам, проверяя, не следят ли за нами другие продавцы. Но тех осаждали покупатели – только у нашего отдела было пусто. – Я умоляю тебя, пока ничего им не говори, ладно? Говори, что мы по-прежнему вместе! То есть вообще ничего на эту тему, договорились?

Он все еще сжимал мою руку.

– Ты с ума сошел? – спросила я.

Его пальцы сжались так сильно, что я почувствовала боль. Но у меня даже мысли не возникло вырвать у него руку – у меня вообще не осталось ни одной разумной мысли. В голове крутилось одно – с ним что-то происходит, что-то странное, нехорошее. Особенно мне не нравились его глаза, я по-прежнему видела в них страх – глубоко загнанный, но такой явный!

– Договорились? – спросил он.

Диск прокрутился до конца, и стало неожиданно тихо. Теперь я заметила, что на нас смотрят. И покупатели, и продавцы из других отделов. Покупатели, должно быть, приняли меня за воровку – ведь Женя схватил меня за руку. А продавцы ждут, когда мы наконец поведемся... Или начнем целоваться.

– Отпусти, – попросила я, и он тут же сделал это. На коже, возле запястья, отпечатались все его пальцы. Значит, вечером у меня будет чудесный браслет из синяков. Такая уж у меня кожа – на ней все проявляется за несколько минут, как на снимке, сделанном «Полароидом». Брюки в соляных пятнах, руки в синяках, опухшие от бессонницы глаза... Да, еще меня ждет изжога от шампанского. О, я буду просто неотразима!

– Почему ты собираешься это скрывать? – спросила я, осторожно массируя запястье. – Все равно твоя мама скоро узнает... Как ты себе представляешь мое вранье? Между прочим, Шура хочет знать, где мы с тобой собираемся встречать Новый год.

– О боже мой, – пробормотал он. – Не знаю...

– Да я не требую ответа, мне как раз ясно, что мы его встретим в разных компаниях. Но твоя сестра хочет знать – пойдем ли мы к твоей маме. Да или нет? Она сама собралась в какой-то ночной клуб.

– Пускай идет, – рассеянно ответил Женя. – Я подумаю...

И он еще раз попросил меня делать вид, что мы не расставались. Видите ли, его мама не должна об этом знать, иначе...

– Иначе что? – поинтересовалась я.

– Она встревожится, впадет в панику, а я этого не хочу.

И тут я не выдержала. Бог знает, о чем мы говорили, что обсуждали! Какие-то технические вопросы – когда он заберет свою одежду и диски, сколько у него покупателей, как врать его маме! Ну, ни дать, ни взять – супруги, давно обдумавшие вопрос о разводе! Мы не говорили только об одном – как раз о том, что меня волновало больше всего.

Я открыла сумку, достала его записку и разгладила ее на прилавке – текстом к нему:

– Ну а это ты никак не прокомментируешь? Может быть, я тоже впадала в панику, а? Как ты считаешь – может быть, я тоже немного встревожилась? Совсем чуть-чуть? Или ты уверен, что все сказано здесь?

Его спасли покупатели – иначе я это просто не могу назвать. К прилавку одна за другой подошли две девушки, за ними – несколько подростков, мужчина в возрасте... Женя тут же поставил диск по чьей-то просьбе, открыл каталог, принялся копаться на полках... Я стояла со своей запиской, прикрывая ее ладонью от посторонних глаз, и ждала. Я твердо решила никуда не уходить, пока не получу ответа.

Это продолжалось минут десять. За это время он мог урвать хотя бы секунду, чтобы посмотреть в мою сторону. Он ни разу на меня не взглянул. Я чувствовала, что щеки у меня пылают огнем. На глаза то и дело наворачивались слезы, я таращилась, чтобы их просушить, смаргивала... Наверное, выглядела странно, потому что ничего не просила, ничего не требовала послушать, только следила взглядом за Женей. Постепенно меня оттеснили в самый угол. Я скомкала записку, сжала ее в кулаке и отошла от прилавка. У меня больше не было сил ждать.

На улице меня догнал Митя – он схватил меня за плечо, подбежав сзади, я даже вскрикнула от неожиданности.

– Постой, Надь, – он задышался и торопливо запахивал куртку. – Я тоже...

– Что тоже? – удивилась я. – Куда ты собрался?

– На обед. Может, пообедаешь со мной? Тут рядом...

– Да, знаю, – я взглянула на часы. В самом деле, нужно было что-то перекусить, иначе вечером я буду совсем никакая. Только мне не очень хотелось общаться с Митей, который был свидетелем всего этого безобразия в магазине. – Знаешь, я лучше поеду домой, тем более надо переодеться к вечеру.

– Собираешься куда-то?

Я вяло похвасталась своим заданием. Если бы я рассказала такое Жене, он бы не стал меня особо поздравлять. Он-то хорошо понимал, что я не люблю ни шампанское, ни тусовки, где никого не знаю. Нет, все-таки не быть мне профессиональным журналистом... А Митя сразу восхитился:

– Здорово, я бы с удовольствием пошел на такое мероприятие! Все-таки разнообразие...

А то – работа, дом, телевизор... Замкнутый круг.

Я взглянула на него внимательней. Митя всегда казался мне симпатичным, хотя был не в моем вкусе. Слишком... Как бы это сказать? Простой? Ясные серые глаза, короткая аккуратная стрижка, сытое лицо с правильными чертами. Он мне чем-то напоминал школьные годы и мальчиков-отличников, которые никому не доставляли проблем. Но может быть, я была несправедлива к парню – ведь ему приходилось жить с бабушкой, а та была бы против, если бы он отрастил волосы ниже плеч, проколол уши и нацепил заклепанные кожаные штаны.

– Знаешь, у меня приглашение на два лица, – сказала я, почти жалея о том, что раскрыла рот. Но что поделаешь – иногда слова опережают мысли. – Если ты к шести освободишься...

Он был в восторге! В таком искреннем восторге, что мне даже стало неловко. Ведь парень явно обрадовался не из-за шампанского – неужели он его никогда не пил? А если хотел развлечений, то мог их себе позволить – все-таки в этом магазине продавцы не бедствовали. Мне впервые пришло в голову, что я ему нравлюсь. Может быть... Да нет, совершенно точно! Ведь Женя как-то сообщил мне, что Митя очень одобряет мою внешность и фигуру. Я произвела на него впечатление, когда явилась в магазин в ковбойских сапогах, бархатных брюках и блестящей черной курточке – мы с Женей собирались пойти на концерт. Это было весной. Совсем недавно, о господи...

– Ну хорошо, пойдем перекусим, – согласилась я.

Обычно продавцы из музыкального магазина обедали в ближайшем бистро. Собственно, это было не настоящее бистро – так, огромная клеенчатая палатка, где стояли десять столиков и стойка бара. Там подавали горячие сосиски, а из прочей еды были только чипсы и шоколад. Ну и пиво, конечно. Пиво и кока-кола. Из-за этого бистро Женя возненавидел сосиски, и мы их никогда не ели дома. Ну а я, наоборот, соскучилась по ним – я-то в этом бистро не обедала.

Мы уселись за пластиковым столиком, и Митя взялся за еду. Он угощал меня пивом, а у меня вдруг пропал аппетит. Я чувствовала себя ужасно сиротливо, несмотря на то что теперь была не одна и у меня нашелся спутник на этот вечер. Ужасное было чувство – мне приходилось такое испытывать до встречи с Женей. Так всегда бывало со мной – познакомишься с симпатичным парнем, и кажется, с ним даже можно о чем-то поговорить и он к тебе хорошо относится... И вдруг на дискотеке, или в кафе, или в театре на меня накатывало такое одиночество, что хотелось плакать. В такие минуты мне вдруг переставало казаться, что этот парень – симпатичный, и совсем не хотелось быть рядом с ним и поддерживать беседу. Потому что я чувствовала – этот парень вовсе не обязателен... Он – не мой. Он – случайность, на его месте мог быть кто-то другой, и ничего бы не изменилось. И значит, я просто теряю время, делая вид, что мне хорошо. Снова проигрываю игру, в которой хотела выиграть любовь. Потому что среди выигрышей ее, оказывается, нет. А вот с Женей было по-другому. С самого начала. Всегда.

А сейчас я опять проиграла, еще более позорно и ужасно. Если бы хоть знать почему...

– Надя, ты слышишь?

Оказывается, он со мной говорил, а я и не слыхала. Я тут же изобразила внимание. Митя слегка обиженно повторил:

– Говорю, что он еще об этом пожалеет.

– Женья?

– Ну конечно. Не знаю, какая муха его укусила, но по-моему, он делает одну глупость за другой. Ладно, если его достала эта работа, можно понять, что он решил уйти. Но вот что он с тобой расстался...

Я хотела сказать, что это не его дело, но передумала. Это было бы грубо, хотя, наверное, это Митя вел себя нетактично. Так или иначе, я промолчала. Всегда, когда не нужно, я молчу. А вот если лучше помолчать...

– Сегодня утром я с ним поговорил, – продолжал Митя, поливая сосиску кетчупом. – Рассказал, что ты звонила, искала его.

– Ну и зачем? – не выдержала я. – Я ведь не просила тебя вмешиваться!

– Я и не вмешивался, просто выложил ему все, что думал, – отрезал Митя. – Сказал, что такую девушку, как ты, ему уже никогда не найти и он ведет себя, как клинический идиот. Это же правда!

Понятно, что это был скрытый комплимент моим достоинствам. Но мне вовсе не было приятно его услышать. Митя запальчиво продолжал:

– Я его прямо спросил – может, он нашел какую-то другую девушку? Он говорит – не в девушках дело. А в чем – не объясняет. Но если бы к нему на работу заходила девушка, я бы знал.

– Откуда? – Я все-таки не выдержала и улыбнулась – уж очень энергично Митя отстаивал мои интересы. Себе же во вред, так что это было даже благородно с его стороны. Ведь я ему нравилась.

– Как откуда? – удивился Митя. – В нашей деревне все на виду.

– К его прилавку ежедневно подходит сто девушек, – возразила я. – Одна из них могла быть его новой подружкой. Ты ведь за всеми не уследишь, у тебя тоже бывают покупатели.

– И следить не стоит, – фыркнул он. – Сразу же видно, что к чему. С ним, конечно, многие заигрывают, ты и сама замечала, наверное... Он девчонкам нравится, колоритная внешность. Да и некоторые мужики, между прочим, интересуются...

Митя сделал большие глаза, и я его поняла без слов. К Жене действительно пытались приставать мужчины определенной ориентации – видимо, их тоже вводили в заблуждение его черные ресницы и слишком светлые волосы. Он рассказывал об этом со смехом, но я-то знала, что ему это было неприятно.

– Но чтобы он сам кому-то строил глазки, такого я ни разу не видел, – закончил Митя. – И я его прекрасно понимал – когда у тебя такая девушка... Слушай, вы официально не женаты? Прости, что спрашиваю, но просто мне интересно.

– Не женаты, – ответила я, делая вид, что все эти вопросы мне совершенно безразличны.

– А, ну тогда...

– Что?

– Да ничего, просто у нас тут все считали, что ты его жена. Особенно наши продавщицы. Светка со второго этажа прямо клялась, что вы расписаны – говорила, что сразу отличает, кто был в ЗАГСе, а кто нет. Сказала, что вы ведете себя, как семья.

Я улыбнулась:

– А разве обязательно ходить в ЗАГС, чтобы быть семьей? Я и сама никогда этого не хотела. Зачем обязательно ставить государство в известность, что двое любят друг друга? Ну разве чтобы прописаться... Так у нас с ним этих проблем не было.

– Ну да, и расставаться легче, – поддакнул он, и наконец слегка смутился. Видно, до него дошло, что он все время затрагивает болезненную тему. Наверное, у меня все-таки не очень хорошо получалась улыбка.

Митя наконец расправился со своей порцией сосисок и достал сигареты. Я тоже закурила – чтобы хоть как-то отвлечься. Мне было очень неуютно в этом кафе, и даже не потому, что я дико замерзла, сидя на сквозняке. Тут все было какое-то временное, ненастоящее – бумажные тарелки, пластиковые стаканы, подогретые в микроволновке сосиски... И Митя. И я сама, если уж на то пошло. Мне страшно захотелось встать и бежать в магазин – обратно к Жене. Потребовать, чтобы он хоть на десять минут бросил своих покупателей. И задать наконец прямой вопрос – по какому праву он так поступил со мной? Чем я ему не угодила? И как он мог написать мне такую записку, чем я это заслужила?! Даже с нелюбимыми женами, я думаю, иногда расстаются помягче. А разве он меня совсем не любил?

Митя с жалостью рассматривал мое искаженное лицо – я опомнилась, ощутив, что страдальчески скривила губы. Торопливо погасила окурочку и попрощалась с ним до вечера. Мы договорились, что я подъеду к магазину в начале шестого – иначе мы опоздаем на презентацию. Митя забеспокоился, сойдет ли на таком мероприятии его костюм – он был одет в свитер и джинсы. Я его успокоила:

– Мы же вроде как журналисты, а значит, нам все можно.

И он опять отвесил мне комплимент:

– Знаешь, Женя все-таки полный дурак! Бывают, конечно, красивые девчонки, но в большинстве своем это такие дурочки! Такую, чтобы еще интересную профессию имела, он никогда не найдет!

Я не стала объяснять бедному парню, что не состою в штате на радио и вряд ли туда когда-нибудь попаду. Зачем было его разочаровывать? Наверное, Митя теперь был единственным человеком на свете, который оказался обо мне такого высокого мнения. Потому что сама я уже ни во что себя не ставила. Не говоря уже о моем начальстве на радио.

* * *

Я еще успела заехать домой и переодеться. Торопилась, как могла, – еще не хватало опоздать и сорвать задание! Я проверила диктофон, захватила запасную кассету, попутно вымыла голову и накрашила ногти быстросохнущим лаком. Времени осталось только на то, чтобы попудриться, накрашивать губы и застегнуть на себе черный брючный костюм. Я уже начала радоваться, что успела все на свете, когда зазвонил телефон. Утром, убегая из дома, я снова подключила его.

– Да, слушаю? – Я схватила трубку. – Кто, кто?

– Это Иван, ты что – не узнала меня? – удивленно повысился голос в трубке. – Надь, ты в порядке, вообще?

– Да, только тороплюсь. – Я взглянула на часы. Мне нужно было выйти из дома пять минут назад. Начинается!

– Слушай, отложи свои дела, если можешь, – оглушил меня Иван. – Сегодня вечером я встречаюсь с твоим парнем, неплохо бы и тебе там появиться.

– То есть? – Я настолько растерялась, что даже не смогла сказать, что мне правда очень некогда. – Где, во сколько?

Он велел мне взять ручку и записывать или уж просто запоминать. Ручка, конечно, не находилась – обычное дело, когда нужно срочно что-то записать. Зато на диване рядом со мной лежал готовый к работе диктофон. Я схватила его, нажала кнопку и поднесла к трубке, попросив Ивана говорить погромче. Он громко и четко продиктовал адрес – это было где-то в самом центре – и рассказал, как туда добраться. Попутно я соображала. От моего дома это

полчаса в метро, да еще с пересадкой на кольцо, потом, по словам Ивана, нужно было ехать трамваем пару остановок... Не успею. Ни за что никуда не успею!

– Это твой адрес? – спросила я, когда Иван продиктовал адрес со всеми подробностями, вплоть до кода на подъезде.

– Это – частная студия звукозаписи, – отрезал он.

– Прослушивание назначено на семь вечера, так что, если желаешь послушать, как поет твой любимый, поторопись.

Я едва не выронила диктофон – он все еще работал. Попыталась найти кнопку, чтобы выключить его, и впервые за все время пользования не смогла этого сделать. Кассета продолжала крутиться, записывая наш разговор. Впрочем, говорил-то в основном Иван. От меня толку было немного. Я едва нашла в себе силы, чтобы спросить – неужели Женя поет?

Иван опешил:

– А ты что – не слышала?

– Никогда...

– У него приличный голос, могу тебя порадовать, – с усмешкой произнес он. – Ну надо же, какой скрытный... Понимаю, что стихи можно писать втайне от жены, но как втайне петь! До меня что-то не доходит! Послушай, пение пением, это занятие безобидное, но мне кажется, что он слишком много о себе возомнил. Не знаю, что с твоим парнем, только он, по-моему, слегка повредился в уме. Ты уверена, что он бросил работу?

– Бросает... – Губы меня почти не слушались. Я ничего не понимала, совершенно ничего.

– Дурак! – И он прибавил еще несколько выражений покрепче, сообщив мне, что думает об умственных способностях Жени. – Вроде бы взрослый уже, и если интересуется музыкой, должен понимать, что сейчас можно сделать деньги только на попсе. А рокерам, да еще начинающим, приходится ох как туго! Сейчас не семидесятые, что он возомнил – сразу срубить кучу баксов?! Он же, я думаю, все свои сбережения вкладывает в эту группу!

У меня уже кружилась голова, к горлу подступала какая-то муть... От волнения, наверное, а может быть, сосиски все-таки оказались не слишком свежие... Что говорит Иван, о чем он болтает! Мне казалось, что парень бредит – настолько неожиданно звучали его слова. Но он говорил так серьезно и напористо...

– Группа? – слабым голосом ответила я. – Он что – поступает в рок-группу?

– Если бы! Он набирает рок-группу! – рявкнул Иван.

– И сегодня в семь он устраивает прослушивание музыкантов, дошло наконец? И ты должна приехать туда, слышишь, Надя?!

– Зачем?

– Да чтобы отговорить его! – рявкнул он. – Потому что такой глупости нельзя допустить! Твой Женя – хороший парень. И я понимаю, что он помирает – хочет стать звездой, но он никогда никем не станет, да только как ему это сказать, черт возьми! Если я скажу прямо – мы просто подеремся! Он же теряет над собой контроль, когда речь заходит о музыке! Только ты, наверное, можешь на него повлиять!

– Но ты забываешь, что меня он тоже бросил! – крикнула я.

Иван на секунду осекся, но потом продолжал с прежним жаром:

– Да перестань, это все из одной оперы! Решил, наверное, круто поменять жизнь! Как бросил, так и подберет, главное – сейчас его остановить! Или он сынок богатых родителей?

– Нет, конечно, он...

– Я и говорю – он просадит все свои бабки на эту убогую идею!

– Да у него и не было никаких денег! – наконец сообразила я, и от этого мне стало еще хуже. – Откуда же он их взял?

– Может, занял? – Я услышала, как Иван шумно выдохнул в трубку. – Ну, дошло до тебя, что его нужно срочно остановить?! Парню кажется, что он самый умный и талантливый, но

я-то кручусь в этой тусовке уже десять лет и знаю – чтобы вылезти наверх, ни ума, ни даже особого таланта не нужно! Нужно или раскрученное имя, как у старых групп, которые начали бог знает когда, или большие деньги – а откуда они у него?!

– Я все поняла, – мне, наконец, удалось сообразить, как выключается диктофон, и я остановила запись. Щелканье красной кнопочки, казалось, вернуло меня в нормальный мир. Или почти в нормальный. – Я постараюсь приехать.

– Нет, ты не поняла! Стараться тут нечего – нужно обязательно приехать! – вздохнул Иван. – Ну сама подумай... Конечно, если ты всерьез решила с ним расстаться – можешь не приезжать. Это будет хорошая месть, потому что тогда парню точно крышка.

– Приеду обязательно, – жалобно ответила я, глядя на часы. Катастрофа... Меня могла спасти только машина, а значит, придется идти на непредвиденные расходы. Если предположить, что на дороге не будет ни единой пробки, я доберусь до магазина в половине шестого... Оттуда, опять же на машине, можно успеть на презентацию. Хотя я ведь могла вовсе не встречаться с Митей. Подумаешь, какие у меня перед ним обязательства?! Тогда я еще никуда не опаздываю... Хотя как же я расправлюсь с презентацией всего за час, ведь прослушивание назначено на семь?! Да еще нужно сделать запас времени на дорогу – ни одна машина не сумеет провезти меня через весь центр всего за пять минут...

И вдруг меня осенило и я закричала в трубку:

– Иван, слушай, я сейчас же поеду в магазин и прямо там поговорю с Женей! Может, мне удастся его отговорить!

– В добрый час, – напутствовал он меня. – Главное – отнесись к моим словам серьезно. Потому что если ты его не остановишь, парня в самом деле будет жаль.

Я бросила трубку, быстро оделась, собрала сумку, застегнула сапоги и выбежала из квартиры. Поймать машину было несложно, но возле первого же светофора я начала сжимать кулаки и молиться, чтобы случилось чудо и я успела в магазин до того, как оттуда уйдет Женя. Про Митю я как-то почти не думала.

* * *

А между тем Митя уже давно меня поджидал – когда я выскочила из машины и побежала к магазину, он бросился мне навстречу.

– А я боялся, что ты передумала!

– Женя еще там? – не останавливаясь, уронила я и побежала дальше.

Митя на миг замер, потом повернул за мной с криком:

– Что случилось?

Я не ответила. Ворвалась в магазин и увидела, что мое горе стоит на своем законном месте – за прилавком. И даже работает – что-то объясняет двум девчонкам, рассматривающим диск.

– Надо поговорить, – с места в карьер заявила я, оттаскивая его от покупательниц. Он заволновался, указывая мне глазами на девушек, и я его поняла. Ведь у них в руках был фирменный диск, недешевая вещь. Но сейчас мне было наплевать, украдут ли его девчонки, вычтут ли эту кражу из его зарплаты. Да и девушки на воровок не походили – они, похоже, даже испугались моей напористости и теперь не знали, что им делать. Женя шепнул:

– В другой раз, ладно? Мы ведь уже поговорили...

– Первый раз не считается, – отрезала я. – Мы говорили только о том, что хотел ты. А теперь давай о том, чего желаю я.

– Ну ладно, только...

– После работы? – поинтересовалась я. Ведь мне хорошо было известно, что никакого «после работы» он сегодня допустить не может. Если сказка с прослушиванием окажется правдой...

– Завтра, – лихорадочно предложил он.

– Нет, сейчас же!

Девушки оставили на прилавке диск и отошли в другой отдел. Женя молча закрыл пластиковый футляр и вернул диск на полку. Я заметила Митю – он стоял в дверях, глядя на меня такими детскими, недоумевающими глазами, что мне стало неловко. Обманула в общем-то неплохого парня. Но ведь и меня тоже обманули! Я схватила Женю за рукав:

– Что это за история с прослушиванием? Это правда?

Да, это было правдой. Я поняла это, хотя он не ответил ни да ни нет. Его глаза опять ушли в тень, губы чуть приоткрылись. Он получил удар – совершенно этого не ожидая.

– Кто тебе сказал? – наконец выдавил Женя.

– Не важно. Я узнала.

– Кто тебя просил вмешиваться?

– Я пока еще не вмешалась, – я видела, что он в ярости, но сейчас меня ничто не могло остановить. Потому что я тоже была вне себя. – Но обязательно вмешаюсь! Ты что – решил создать группу? Откуда ты возьмешь деньги на музыкантов? На все прочее? Кто тебе их даст?!

– Не твое дело...

Он сказал это тихо, почти шепотом, а глаза метались, не находя, на чем остановиться. От природы у него очень светлая кожа, но тут он стал просто белым – будто в лицо направили мощный прожектор. Меня кольнуло – какая же я дура, если он до сих пор мне так нравится, если я не вижу и не хочу видеть, что кто-то может быть лучше, красивее... Для меня, во всяком случае. Какая же я дура...

– Жень, ты делаешь глупость, – я попыталась говорить спокойней и тише – на нас опять глазели. Никто из продавцов не ожидал второго моего прихода. Явно считали, что меня припекло... Ну и пусть. Мне было уже наплевать на чужое мнение.

– Если это глупость – это моя собственная глупость, – так же тихо ответил он. – Но я хочу знать, как ты узнала.

– Сперва скажи, где ты возьмешь деньги?! Займешь?! Кто же тебе даст?

– Уже дали, – ответил он, по-прежнему не встречаясь со мной взглядом. – Кому ты звонила? Или... Это тебе кто-то звонил?

Я кивнула и уже собралась назвать имя Ивана, но тут Женя схватил меня за плечи и сжал их так, что я почувствовала его пальцы даже сквозь стеганую куртку. Боли, конечно, не было, но я и без нее была потрясена – Женя не то что никогда себя так не вел... Даже попытки не делал! И хуже всего было видеть его бледное лицо и то, как на этом лице кривятся посеревшие губы, слышать, как из них вырывается шипение:

– Отвяжись от меня, говорю тебе в последний раз, отвяжись! Это моя жизнь, мое личное дело, хватит с меня, убирайся!

Он тряхнул меня еще сильнее, но тут подоспел Митя – видимо, сообразил, что долг повелевает ему вмешаться.

– Да ты что – сдурел, отпусти ее! Убери руки, говорю!

Меня Женя тут же выпустил, зато набросился на Митю – с силой толкнул его в грудь, да так, что парень отлетел на несколько шагов и чуть не упал. К нам бросился продавец из отдела напротив:

– А ну заканчивайте! Обалдели вконец?! Что не поделили?!

Митя, тяжело дыша, рвался в драку, теперь уже мне приходилось удерживать его и оттащить к выходу. Он выкрикивал какие-то невнятные угрозы, обещал разобраться с Женей... Я наконец вытолкала его на улицу и потянула прочь:

– Пошли, опаздываем!

– Нет, постой, я ему сейчас покажу...

– Да пошли! – уже со слезами выкрикнула я. – Я заporю задание, потеряю работу, если мы опоздаем! Лови машину!

В машине, на заднем сиденье, я наконец заплакала. Плакала, то и дело поглядывая на часы, и одновременно прикидывала, успею ли я напудриться, прежде чем мы явимся на презентацию. Никогда бы не подумала, что способна делать сразу два таких важных дела... Митя пытался меня утешить, но я попросила его помолчать. Он мешал мне, ужасно мешал, но избавиться от него уже не было возможности. И в конце концов, парень пытался меня защитить...

От этой мысли мне стало жарко и больно – от кого защитить?! От Жени?! Ну если мне понадобилась защита от любимого человека – значит, надеяться уже точно не на что... Еще вчера вечером я думала, что все еще может наладиться... На что-то надеялась. Строила планы – как выясню, почему и куда он ушел, воображала, как он вернется, как я прощу его... Нет, даже прощать не буду – просто сделаю вид, что не было этих дней одиночества, не было ужасной записки. Просто вычеркну это, постараюсь забыть. А теперь... Левое плечо еще болело – его он стиснул особенно сильно. А тряхнул меня так, что даже зубы застучали. Неужели он и правда так меня ненавидел?!

Мне пришлось давать указания шоферу, и волей-неволей я отвлеклась, вытерла слезы, достала пудреницу. Митя послушно молчал. Я тронула его за рукав, когда мы уже подъезжали к торговому центру:

– Дай слово, что ты не будешь завтра разбираться с Женей.

– Я тебе просто удивляюсь, – мрачно ответил он после короткой паузы. Сперва мне даже показалось, что он вообще не желает отвечать. – Ты еще его защищаешь?! Если бы я не вмешался – он бы просто врезал тебе.

– Все равно, дай слово.

Никакого слова он мне не дал. Мы вышли из машины в состоянии холодной войны. Правда, шоферу заплатил все-таки Митя.

Я давно уже привыкла к тому, что на некоторые задания опоздать считается хорошим тоном, а на такие, как сегодня, – очень не рекомендуется. Существуют тонкие градации – где с раскрытыми объятьями кидаются навстречу журналисту, а куда журналист сам должен бежать сломя голову. Сюда я как раз должна была прийти вовремя, а опоздала на семнадцать минут – это я заметила по своим часам и по лицу встретившей меня женщины-менеджера. Впрочем, мне ничего плохого не сказали. Говорила я – ссылалась на пробки. Митя молчал. Ну а потом я пыталась делать свое дело.

Наверное, презентация была хорошая. Наверное, даже очень хорошая. Только до меня это не доходило. Я стояла с бокалом шампанского в первых рядах, смотрела, слушала, пыталась сообразить, с кем мне лучше побеседовать... А где-то под этими деловыми мыслями крутились и крутились другие – будто любимая песня, которую ставишь снова и снова. С той разницей, что эти мысли мне были неприятны. «Если бы я не навязывалась, все было бы хорошо. Если бы не приходила два раза в магазин... Если бы не пыталась что-то узнать... Если бы не вмешалась... Он бы все равно позвонил мне. Вернулся. Хотя бы, чтобы соврать, успокоить. Попрошаться по-человечески. И не орал бы на меня при всех, не хватал за плечи. И у него не было бы таких ужасных глаз, таких искривленных губ. Такого чужого, белого лица. Я сама все испортила. Зачем я вмешалась, зачем, боже мой...»

Кто-то осторожно взял меня за локоть, я обернулась.

– Ты все проливаешь, – шепнул Митя, указывая глазами на мой бокал. Я действительно держала его криво, и шампанское пузырящейся белой струйкой бежало на пол, собираясь в лужицу возле моих ног. Слава богу, на меня никто в этот миг не смотрел. Я допила то, что еще осталось в бокале, и потихоньку отошла от лужицы. Митя преданно пошел за мной.

– Тебе очень плохо? – таким же сочувственным шепотом спросил он.

– Ужасно, – правдиво ответила я. Уже не было сил врать, делать хорошую мину при плохой игре. – Только уйти нельзя.

– Может, сядешь?

– И сесть я не могу. Сейчас нужно будет брать интервью.

– Тогда выпей. – Он от чистого сердца протянул мне другой, полный бокал. Митя взял его на подносе – девушки в изящной зеленой униформе постоянно обносили шампанским всех собравшихся, и можно было пить, сколько душе угодно. Я бы не удивилась, если бы из симпатичного фонтанчика в углу тоже забило шампанское, вместо подкрашенной и подсвеченной воды.

Я выпила – зря, конечно. Это меня ничуть не подбодрило, и веселее не стало. В эту минуту я бы предпочла всему остальному чашечку крепкого кофе. Украдкой взглянула на часы. Без нескольких минут семь... Сейчас начнется прослушивание, и меня на нем, разумеется, не будет. Что ж, оно и к лучшему. Иначе Женя окончательно меня возненавидит... «Почему ты говоришь в будущем времени? – перебила я сама себя. – Он тебя уже ненавидит. Неужели хочешь услышать, как это будет сказано прямым текстом? Его взгляда тебе было недостаточно?»

Я вытащила диктофон и пошла посоветоваться с менеджером, у кого в первую очередь брать интервью. А что мне еще оставалось делать? Лечь на пол и разреваться?

Работа, как ни странно, немного привела меня в чувство. Всегда легче, когда беседуешь на отвлеченные темы, а уж тема шампанского, как традиционного новогоднего напитка, меня абсолютно не трогала. Я на ходу придумывала какие-то вопросы и в общем справилась. Во всяком случае, мне так показалось. Другое дело, как на все это посмотрит редакторша. Мне самой было смешно, как легкомысленно я отнеслась к своему последнему шансу получить штатную работу. В голову приходили какие-то беспшабашные, дурацкие мысли. Насчет того, например, что Женя тоже теряет свою работу и что его ждет дальше – неизвестно. Так что тут мы примерно на равных. Также я была почти уверена, что он не нашел себе другую девушку. И это тоже меня немного утешало – все-таки раненое самолюбие – вещь ужасная. Он просто решил поменять жизнь. В конце концов, на это имеет право любой человек... Нужно только иметь некоторую смелость...

«Какая уж там смелость, если он просит меня ничего не рассказывать его маме», – сообразила я, когда презентация уже подходила к концу. Я записала почти две кассеты. Женя рассчитывал на мое пособничество. А на что он может рассчитывать после того, как чуть не избил меня? Интересно, попробует он пойти на примирение? Ведь пока я ему нужна. Совсем немножко, но все-таки... Пока ему есть, о чем меня попросить – еще не все пропало.

На улице, после теплого, какого-то пьяного воздуха в зале, мне стало очень зябко. Я застегнула куртку, набросила капюшон. Было уже восемь часов вечера, и я ужасно устала – день показался мне бесконечным... Когда Митя заговорил со мной, я чуть не вскрикнула – до того забыла о его присутствии.

– Тебя проводить? – спросил он. – Ты такая бледная...

– Ничего, пройдет, – успокоила я его. – Это от шампанского. Не стоило мне его пить.

– Да что ты, классное шампанское! Я, наверное, бутылку выпил. Спасибо, Надь...

– Да мне-то за что? – улыбнулась я. Мы медленно пошли в сторону метро. Одновременно я прикидывала – имеет ли еще смысл ехать в ту звукозаписывающую студию. Конечно, я ничего не понимала в таком деле, как организация группы, но предполагала, что всех музыкантов за один час Женя на подборет. Значит, процесс в самом разгаре. Может быть, поехать?

– Тебя проводить? – уже в который раз повторил Митя. И особого энтузиазма в его голосе уже не слышалось. Наверное, он наконец понял, что я думаю вовсе не о нем.

И я решилась. Уж если в этот день мне выпало набивать шишки – надо набить их все до единой, чтобы ничего не оставалось на завтра. У меня бывают счастливые дни, бывают средненькие, которых будто и не замечаешь, бывают совсем невезучие. Этот день был просто ужасным! Но я всегда придерживалась принципа – исчерпать каждый день до конца. Уж если везет – надо срочно взяться за очень важное дело, которое без везения не осилишь. А если, наоборот, преследуют неудачи – пора забиться в уголок и сидеть там, пока часы не пробьют полночь. Сегодня мне нужно было действовать – пусть даже во вред себе. Потому что, несмотря на все обиды, я все еще переживала за Женю.

– Не надо, – я повернулась к Мите и постаралась изобразить благодарную улыбку. – Я доеду сама, возьму машину. Спасибо тебе за компанию. За все спасибо!

И прежде чем он успел что-то ответить, я побежала к проезжей части, встала на обочине и призывно подняла руку. Меня подобрала вторая же остановившаяся рядом машина.

ГЛАВА 3

Адрес звукозаписывающей студии был у меня только в аудиоварианте – на кассете. В машине, устроившись рядом с шофером, я сперва сказала ему приблизительно куда ехать, а потом достала диктофон и прослушала эту запись. Наверное, он принял меня за ревнивую жену, которая выслеживает неверного мужа, пользуясь услугами частного сыщика. В октябре я как раз делала материал о работе подобного сыскного агентства, а запись на моей кассете очень походила на компромат. Во всяком случае, водитель как-то странно ухмылялся, когда поглядывал в мою сторону. Но я не очень обращала на него внимание. Переписала адрес в блокнот и пожалела о том, что репортаж с презентации записан на той же кассете. Редакторша могла попросить прослушать материал и в таком случае оказалась бы в курсе моих личных дел. Я решила, что дома перепишу репортаж на другую кассету – наша аппаратура это позволяла. Я подумала «наша», и меня снова кольнуло – ведь музыкальный центр покупал Женя. Разве он мой? Да, теперь у нас все было отдельное. И где он, в конце концов, живет, если не скучает по своей музыке?

Иван очень толково объяснил мне, как найти нужный дом. Расплатившись с шофером, я сразу нашла подъезд, где стояла железная дверь с кодовым замком. Нажала поочередно четыре кнопки, услышала металлический щелчок и открыла дверь. Прежде чем войти, я еще раз оглядела дом – это уродливое здание невыгодно отличалось от старинных особняков, которыми был застроен весь переулок. Здание, наверное, построили для какого-нибудь учреждения еще в семидесятих – серый бетон, ничем не приукрашенный. Большие окна. Никаких излишеств. В переулок выходил главный подъезд – высокие стеклянные двери, слабо освещенные изнутри. Наверное, там сидел вахтер. Зато здесь, за этой железной дверью с торца здания, никакой охраны не было. Когда я вошла, никто меня не окликнул.

Согласно указаниям Ивана мне нужно было подняться на четвертый этаж. За все время, пока я искала лестницу и одолевала длинные пролеты, мне не встретилась ни единая живая душа. Под потолком потрескивали длинные лампы дневного света – они горели через одну. Стены были выкрашены в скучный голубой цвет – как в больнице или школе. Мне было не по себе, и уже не потому, что я боялась снова поругаться с Женей. Меня что-то пугало в этом огромном, совершенно безлюдном здании. В нем было что-то от обстановки ночных кошмаров – как, наверное, во всех пустых зданиях в вечернее время.

На четвертом этаже я увидела дверь туалета. Вошла, откинула капюшон, оглядела в треснувшем зеркале свое лицо. Да, вид у меня... Бледная, прямо зеленая, хотя, наверное, в этом виновато освещение. Круги под глазами, помада смазалась... Я достала носовой платок и начисто стерла помаду. Но нравиться себе от этого не стала. Нужно было идти – я знала, какой номер комнаты мне нужен. Четыреста одиннадцать. Но с каким лицом и с какими словами я войду туда...

Я все-таки пошла. Стены длинного коридора были выкрашены уже не в голубой, а в более приятный серый цвет, и лампы горели все до единой. Когда в глубине открылась какая-то дверь, я едва не вскрикнула – так успела отвыкнуть от человеческого присутствия. В коридор вышел длинноволосый парень, в черной куртке и джинсах. У него за спиной я заметила гитару в чехле. Поравнявшись со мной, парень оценивающе осмотрел меня. Он явно прикидывал, стою ли я того, чтобы со мной заговорить. Я отвела глаза и пошла дальше. На той двери, из которой он появился, красовались цифры – 411. Значит, мне сюда.

Только одна мысль немного подбадривала меня. Там должен быть Иван, я увижу его. А он – меня. И пусть я даже не знаю, как он выглядит... А как он выглядит, в самом деле?

В комнате, куда я вошла, стояло несколько офисных кресел, большой, заваленный журналами и какими-то бумагами стол, маленький кофейный столик. Кроме чашек я заметила

там полупустую бутылку водки и несколько пластиковых стаканчиков. В комнате никого не оказалось, зато за матовыми стеклянными дверями в дальнем конце комнаты слышалось сразу несколько голосов. Я прислушалась... Мужской голос, который я слышала впервые, недовольно сказал:

– Ну ладно, попробуй начать «Энджи», знаешь эту песню?

– Конечно, – ответил какой-то парень. Его голос тоже был мне незнаком. Через несколько секунд я услышала гитарные переборы. И, конечно, узнала эту песню «Роллинг Стоунз». Мне она нравилась, а вот Жене – не очень. Он вообще не жаловал «Роллингов», бог его знает почему. Внезапно парень остановился, и минуту все молчали. Потом мужчина вяло его поблагодарил и попросил посидеть в приемной.

Стеклянная дверь отодвинулась, и вышел взмыленный, с пылающими щеками парень – совсем молодой, лет восемнадцати, наверное. Он упал в кресло, схватил с кофейного столика стаканчик и тут увидел меня.

– Привет, – сказала я, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Потому что парень уставился на меня, как на привидение. Хотя немудрено завестись каким-то духам в этих пустых бесконечных коридорах.

– А... Привет, – опомнился тот. – Ты что, тоже на прослушивание?

Я видела, как он оглядывает меня с ног до головы, наверное, ищет гитару или что-то в этом роде. Я подошла к креслу и скромно присела на краешек сиденья:

– Нет, я к знакомому. Кстати... Ты бы не мог позвать Ивана?

– Ивана? Да он ушел уже.

У меня упало сердце – ну конечно, сегодня невероятно везучий день... Иван был тут в семь, пытался отговорить Женю. Наверное, последними словами вспоминал меня и мое твердое обещание непременно приехать. А потом, конечно, решил, что я так обиделась на своего парня, что решила не вмешиваться. А как еще он мог все это понять? Прослушивание, видно, идет полным ходом, значит, Ивану ничего сделать не удалось. Но тогда...

Я вскочила и указала на стеклянные двери:

– А Женя там?

– Кто?

– Ну певец! Тот, кто группу набирает! – Эти слова казались мне полной дичью, но парень меня сразу понял:

– А, ну ясно, там. А ты что – к нему? – Он оживился и тоже встал. Поманил меня пальцем и выдохнул мне в лицо вместе с водочным духом: – Слушай, замолви там за меня словечко.

– Не обещаю, – я инстинктивно отодвинулась от него, хотя тоже была не вполне трезва. И как всегда от шампанского, у меня болела голова. Парень сделал гримасу, и, взглянув на него повнимательнее, я подумала, что он еще моложе, чем показалось вначале. Лет пятнадцати от силы... И на что он надеется?

Я отодвинула стеклянную дверь и вошла. Никаких речей я не готовила, по той простой причине, что не знала, как меня встретят. Иван говорил, что нужно увести отсюда Женю. Что ж, попробуем...

Его я заметила сразу – Женя сидел спиной ко мне, в углу большой комнаты, на корточках, и возился с динамиком. Кроме него здесь оказалось двое мужчин, оба уже в возрасте, трое молодых парней и одна девушка. Она-то первая и заметила меня.

– Вы разве записаны? – Девушка взяла со стола большой блокнот и пролиستала его. – Что-то не вижу. А как вы сюда попали?

Женя, не оборачиваясь, возился с динамиком. Кроме него, на меня смотрели уже все. Я никого здесь не знала, но меня смущало вовсе не это. Как-никак, а я все-таки собиралась стать журналистом, а эта профессия как раз предполагает общение с абсолютно незнакомыми людьми. Меня задело другое. Все эти люди (парни в том числе) смотрели на меня, как на какое-

то инородное тело. На козявку, с которой высшим существам не о чем разговаривать. А ведь парни явно явились на прослушивание – это я определила уже по их внешнему виду – они все были будто из одного инкубатора. Длинные волосы, бледный вид, в одежде преобладала кожа и джинса. Им-то что передо мной задаваться? Я уже хотела заявить, что хочу поговорить с Женей, но тут наконец обернулся он сам. Секунду Женя смотрел на меня непонимающими, расширенными глазами, потом медленно встал. Мне показалось, что он не очень твердо стоит на ногах, но может, он их просто отсидел.

– Ты как здесь... – начал он, но я перебила его:

– Выйдем на пять минут. Это срочно.

– Ты как...

– Женя, если я нашла тебя, значит, это очень важно, – повторила я, стараясь не видеть никого, кроме него. – Сейчас объясню.

И он, слава богу, послушался и вышел, пропустив меня вперед. Парня в приемной уже не было, наверное, ему надоело дожидаться и он отправился погулять по коридорам. Женя отвел меня ближе к двери и прошептал:

– Послушай, но это же просто глупо! Почему ты не оставишь меня в покое?! Просто кошмар какой-то!

– Женя, пойдем отсюда, – таким же страшным шепотом ответила я. – Просто надень куртку и пойдем.

– Господи, да ты же ничего не понимаешь! – простонал он, картинно закатывая глаза. – Давай я тебе все расскажу, только потом, не сейчас! Ты все узнаешь, не беспокойся!

– Я хочу знать, кто эти люди?

– Это мои знакомые.

– Где ты с ними познакомился? Что вы тут делаете?

– Да ты же видела – работаем! – зло ответил он. – Не пьем, не курим анашу, не развратничаем! Неужели ты хочешь все мне испортить?!

– Но у тебя все равно ничего не получится с группой, – прошептала я, глядя на стеклянные двери. Они все еще оставались задвинутыми, но за ними было очень тихо. Явно нас пытались подслушать. – Женя, ты вляпаешься в очень нехорошую историю, если занял денег под этот проект! Тебе никогда не отбить их! Ты не вернешь долг, и чем расплатишься?! Подумай хотя бы о матери! У тебя же нет ничего, кроме ее квартиры!

Он слегка переменялся в лице, но не перебил меня. Я продолжала:

– Ты хочешь, чтобы дело дошло до того, чтобы твою мать и сестру попросили убраться из дома? А если и квартиры не хватит?! Чем ты будешь расплачиваться?

– Не каркай, – в конце концов ответил он. Голос у Жени срывался. – Если хочешь знать, пока все идет прекрасно.

– Да, я как раз хотела бы знать кто эти люди, где ты с ними познакомился?

– Потом, потом, – он взял меня за руку и сжал пальцы: – Ты можешь поверить мне на слово? Ничего страшного не случится. Я сам за все заплачу. Ни моя мать, ни Шура не пострадают. И еще раз прошу тебя – пока ничего им не говори. Не надо. Они будут волноваться.

Я хотела ответить, но не смогла. Комната задернулась горячей расплывчатой пеленой. Я поняла, что глаза у меня на мокром месте. А он шептал, все крепче сжимая мне запястье:

– И прости, что я на тебя сегодня наорал. Я просто очень нервничаю, понимаешь? Это мой последний шанс выбиться. И я его не упущу. Мне все равно, что будет потом, чем все кончится. Но в записке я написал правду. Если бы не нашел этот выход – покончил бы с собой.

– Почему? – выдавила я. Теперь слезы бежали у меня по щекам, и я никак не могла остановиться. – Неужели тебе было так плохо... Со мной...

Он воровато оглянулся на стеклянную дверь и быстро вытер мне слезы тыльной стороной ладони. От этого прикосновения я заплакала еще горше – все эти дни мне так не хватало этой вот руки, которая сейчас быстро коснулась моего лица...

– Мне было хорошо, – прошептал он. – Но жить я так больше не мог.

– Ты вернешься? – всхлипывала я. – Ты меня не совсем бросил? Ты вернешься, скажи?

И он сказал, что мы обязательно будем вместе. Не знаю, правду он говорил или врал, чтобы я немного успокоилась и согласилась уйти... И даже не понимаю, поверила я ему тогда или нет. Но мне было важно это услышать.

А потом он быстро поцеловал меня, застегнул мне куртку, как маленькой, как будто я не могла сама найти пуговицы. И, взяв за плечи, выпроводил в коридор. Прощаясь, Женя обещал обязательно позвонить. И приказал напоследок, чтобы я не расстраивалась. И никого не слушала – особенно Ивана.

– Ведь это Иван все тебе разболтал?

Я глотала слезы и кивала.

– Как он нашел тебя? Сам позвонил? – допытывался Женя.

Я взглянула на него. Он был совершенно спокоен, и это меня сразу привело в себя. Я-то плакала, сходила с ума, а вот он не волновался. Ничуть. Ему было важно узнать то, что он хотел. Я даже испугалась – это было что-то новенькое. Мне несколько раз приходилось плакать при нем – все-таки, когда живешь с человеком, он видит тебя в самых неприглядных ситуациях. Своих слез я всегда стыдилась... А он меня при этом жалел. Всегда, только не сейчас.

– Это я позвонила ему, – я сухо вытерла лицо носовым платком. – Когда поняла, что должна что-то о тебе узнать. Я вспомнила, что ты с ним много общался в последнее время. Помнишь, он пригласил нас на дачу, а ты передумал ехать?

– Он был болен, – тревожно ответил Женя.

– Иван утверждает, что был совершенно здоров. – Я увидела, как его взгляд тревожно метнулся и поспешила оправдаться: – Я не собираюсь тебя допрашивать, мне все равно, почему ты передумал! Это твое дело, объяснишь как-нибудь потом... Я не ставлю условий...

– Уже ставишь, – жестко ответил он. И этого голоса я у него тоже раньше не слышала. Как он изменился за эти несколько дней! А может быть – эта мысль задела меня куда больше – может быть, я его раньше очень плохо знала?

– Иван здесь был, – спокойно сказал Женя. – И едва не сорвал прослушивание. Я понимаю, что ему так и не удалось достичь успеха, но все равно – к чему так завидовать начинающей группе...

– Так все-таки у тебя будет группа? – Я все еще не верила. Это был какой-то бред.

Вместо ответа он поднял палец, призывая меня прислушаться. И я услышала, как через две двери, в студии, кто-то начал на гитаре очень знакомую тему. И кажется, тихонько вступил ударник.

– Узнаешь? – шепнул Женя. – Можешь назвать, кто это?

О, это была наша старая любимая игра. Женя часто экзаменовал меня, ставя диск и заставляя определять исполнителя и название песни по первым тактам. И за эти два года я здорово научилась это делать, так что поймать меня было почти невозможно. Разве что, если я очень волновалась... Как сейчас. А я разволновалась так, будто от того, угадаю я правильно или ошибусь, зависит его возвращение ко мне.

– Кажется... Кажется, это песня Боуи «Человек, который продал мир»?

Женя наклонился и быстро коснулся горячими губами моей щеки. Наверное, так прощаются с теми, кто лежит в гробу. Мир снова начал терять четкие очертания, и я быстро вытерла глаза.

– Мне, наверное, ни с кем не будет так хорошо, как с тобой, – тихо сказал он. – Только ты ошиблась. Это вовсе не Боуи, а Кобейн. И эту его песню ты хорошо знаешь.

Ох, как мне захотелось его ударить! Неужели имело какое-то значение, ошиблась я или нет, тем более что начало обеих песен так похоже! Я сдержалась. Ответила, что сегодня, видимо, просто не мой день. Поправила на плече ремень сумки, повернулась и пошла к лестнице. Все время, пока я шла по коридору, чувствовала спиной его взгляд. А обернувшись, увидела, что дверь под номером 411 закрыта и никто на меня не смотрит.

* * *

В переулке на меня набросился ветер – погода резко переменилась за то время, пока я была в студии. Я поглубже надвинула капюшон и огляделась по сторонам. Ни души. Чтобы как-то выбраться отсюда, нужно идти на бульвар и ловить машину. А денег у меня осталось совсем немного.

При мысли о деньгах я наконец поняла, до чего устала. А когда вспомнила, что, прежде чем я получу гонорар за репортаж, нужно еще обработать материал, мне стало совсем плохо. Как я могу сейчас думать о каких-то презентациях, если у меня осталось одно желание – разбежаться получше и удариться в стену головой? Никогда в жизни я не думала о самоубийстве, и всех, кто говорил на эту тему, считала позерами, которые желают выглядеть поинтереснее... А вот теперь впервые задумалась об этом сама. А что здесь такого, в конце концов? Одним махом можно решить все свои проблемы. А решать их как-то по-другому просто нет сил. И желания тоже. Правда, есть еще один выход. Приехать домой, лечь на диван и ждать, когда все решится само собой. Но уже на второй день мне ужасно захочется есть и я увижу, что в холодильнике пусто. Денег у меня тоже не будет, потому что репортажа я не сдам. В то, что вернется Женя, я почти не верю. Ну и что дальше? Мне придется встать с дивана и опять-таки браться за дело. Идти на радио, падать в ноги начальству. А меня все равно прогонят. Придется искать, у кого можно перехватить денег в долг. (Это перед Новым-то годом?! Кто мне даст?!) Или, скажет, попросить помощи у мамы...

Я так и увидела ее расстроенное лицо, услышала ее голос. Она обязательно скажет, что рада такому концу. Что никогда не верила, что у нас с Женей получится семья. И что я уже не девочка и мне пора всерьез подумать о будущем. А потом поставит условие – чтобы я жила с ней, всерьез взялась за работу, на время забыла о парнях (как будто мне был нужен кто-то, кроме одного-единственного парня!). Ох, нет. Лучше я все сделаю сама!

Машина, которая все это время стояла у противоположного дома, неожиданно осветилась изнутри. Я даже вздрогнула – никак не предполагала, что там кто-то есть. Затем дверца приоткрылась и оттуда высунулся мужчина, сидевший за рулем:

– Девушка, вас, может, подвезти?

Я сразу узнала этот голос и махнула водителю рукой:

– Иван?!

– Точно, – он продолжал рассматривать меня. – А мы что, знакомы? Или ты...

– Я Надя! – Я подбежала к нему и протянула руку. Он ее пожал и пригласил меня в машину, открыв дверцу рядом с собой.

Наконец-то мне удалось его увидеть! Честно говоря, мне думалось, что Иван должен выглядеть как-то иначе. Я уже привыкла, что у многих знакомых Жени волосы ниже плеч, все пальцы в массивных кольцах, одежда – почти всегда кожаная. Иван был коротко подстрижен, одет в толстый серый свитер, черные джинсы и ничем не выделялся. Внешность у него была не слишком запоминающаяся, зато голос... Я подумала, что он, наверное, неплохо поет.

Он тоже с интересом разглядывал меня, так что мы были квиты. Закончив осмотр, мы невольно за-смеялись.

– Я тебя как-то по-другому представляла, – призналась я.

– Да и я тебя тоже, – заметил Иван. – Думал, ты такая роковая женщина, под стать своему приятелю...

Я сразу перестала улыбаться. Такое я уже слышала. Кстати, один из аргументов моей мамы был именно таков. – Женя, дескать, слишком смазливый, чтобы стать хорошим мужем. Немужественная у него внешность, и я ему совсем не подхожу. Что и говорить, на меня, в отличие от Жени, на улице оглядывались редко. Но и уродиной я себя никогда не считала.

– В общем, ты лучше, чем я думал, – бесцеремонно заключил Иван.

– Спасибо, – сдержанно ответила я. – Знаешь... Я сейчас там была. Мне не удалось его отговорить. Он как обезумел! Так что прослушивание идет полным ходом.

– Я в курсе, – Иван повернул ключ в замке зажигания и взялся за руль. – Я тоже пытался объяснить твоему милому, что к чему, но он не желает слушать. Черт, и зачем я свел его с этими типами!

У меня дыхание перехватило:

– Так это ты?!

– Ну да, я, – признался он, не глядя на меня. Машина ехала вниз по переулку, и вдали уже показались фонари бульвара. – Кто же думал, что у него возникнут такие планы?! Я сейчас сидел в машине и казнил – как я вовремя его не разглядел? Мне казалось, парень просто любит музыку, а он рехнулся!

Час пик давно уже миновал, но движение все еще было довольно оживленное. Где-то впереди, видимо, возникла небольшая пробка, и Иван сбросил скорость. Теперь мы едва тащились. Он достал сигареты и протянул мне пачку. Я молча закурила, едва сознавая, что делаю, где нахожусь, куда еду. Значит, Иван познакомил его с этими типами... И все это происходило уже давно, ведь на концерт «Слэйд» Женя ходил в ноябре. А мне – ни слова. Ни намек. Да, он попросту подготовился хорошенько и сбежал, не желая ничего объяснять.

– Я пива купил, хочешь? – мрачно спросил Иван.

Я отказалась, с меня вполне хватило выпитого на презентации шампанского. Тогда он попросил меня открыть ему банку. Возвращая вскрытую банку, я спросила, не боится ли он пить за рулем.

– У меня слишком большой стаж, – ответил он, и я не поняла, что именно он имеет в виду – вождение или алкоголизм? Переспрашивать было неудобно, и я положила на судьбу – разобьемся так разобьемся. И машина, в конце концов, не моя. Машина, кстати, была самая затрапезная – старые, изрядно потрепанные «Жигули». Иван явно не процветал, несмотря на все свои знакомства...

– Вы часто виделись после концерта? – спросила я, когда машина вырвалась из пробки и светофор открыл нам навстречу свой узкий зеленый зрачок.

– Несколько раз. – Он отхлебнул пива и сунул мне банку. – Подержи. Понимаешь, парень он занятный. Мне он понравился. Если бы цела была моя собственная группа, я бы его пригласил. Голос у него оригинальный... Нет, ты правда не в курсе, что он поет?

– Даже в пьяном виде никогда не пел, – заметила я. – А уж тогда стараются все подряд!

– Да нет, он пел как раз трезвый, – задумчиво ответил Иван. – Только мне-то нечего было ему предложить. Да и не стал бы я сбивать парня с пути. Продает он свои диски в магазине – и пусть радуется, что хватает на жизнь. По крайней мере он ничем при этом не рисковал. А моя группа... Смешно вспоминать, какие у меня были надежды. И сколько я денег в нее вложил? Все инструменты были куплены на мои деньги. Я продал квартиру, мне от деда осталась, в центре. Студию под Москвой оборудовал. Набрал классных ребят...

Он снова потянулся за пивом и отпил из банки, не обращая внимания на поравнявшийся с нами милицейский пост.

– Мы с ребятами год в студии сидели, готовили альбом... Записали кассетку, дали послушать кое-кому... Нужно было найти продюсера, и вроде бы нашелся один... – рассказывал парень. – А потом все рухнуло.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Да он сел.

– То есть как?!

– Да очень просто. За какие-то махинации с валютой. А когда освободился – уехал за бугор, сейчас где-то в Голландии, тюльпаны выращивает. И флаг ему в руки!

Он опять отпил пива. Я отняла у него банку:

– Знаешь, я не хочу оказаться в больнице.

– Если тебе не суждено – не окажешься, – успокоил меня Иван и допил все, что еще осталось в банке. Видимо, пиво его подбодрило и теперь он заговорил быстрее: – Номинально-то группа все еще существует, мы не объявляли о распаде... Но вот деньги кончились, а без них ничего не сделаешь. И вообще, таких идиотов, какими мы были, уже почти нет. Ни-кто не вкладывает своих денег, ну разве чтобы гитарку купить. Ищут продюсера, спонсора. Это лотерея, понимаешь? Я в нее проиграл, и мои ребята тоже. А твой парень хочет выиграть. А что у него есть, кроме голоса?

Иван на секунду замолчал, вытаскивая из пачки новую сигарету.

– Ну еще внешностью его Бог не обидел, – чиркнув зажигалкой, уже спокойнее продолжал он. – На сцене это тоже важно. Но без денег он марионетка, неужели Женя воображает, что от него будет что-то зависеть?!

– Он уверен, что все получится, – нерешительно сказала я. Не то чтобы Жене удалось в чем-то меня убедить... Но сейчас, послушав Ивана, я вспомнила компанию, которая была с Женей в студии. – Мне показалось, что это люди довольно серьезные и они им заинтересовались...

Он выругался:

– Сволочи они серьезные, вот кто! И если Женя воображает, что они предоставят ему какой-то реальный шанс...

Иван не договорил. Я ждала продолжения, но сообразив, что его не будет, взглянула на часы. Начало десятого... Он заметил этот жест, хотя, казалось, смотрел только на дорогу.

– Тебе куда? – спросил он.

– Домой. – Я назвала адрес и тут же поправилась:

– Но ты просто высади меня у метро, а дальше я сама доберусь.

– Ладно, довезу, – проворчал Иван и неожиданно спросил: – Слушай, ты не обиделась?

– За что это?

– Ну хотя бы за своего парня. Я столько наговорил...

Я покачала головой:

– Ничуть. Я как-то все меньше ощущаю, что он мой. Такое впечатление, что я ему больше не нужна. Знаешь, если бы он познакомил меня с тобой, всего этого могло не случиться. Я бы вовремя сообразила, к чему идет дело.

Иван вопросительно взглянул на меня, и я пояснила:

– Мне-то хорошо известно, что Женя всегда мечтал о музыкальной карьере. Да что там, мечтал... Он этим жил – правда, только в воображении... Могу себе представить, как он загорелся, когда ты стал рассказывать ему про свою группу!

– Точно, – согласился Иван. – Хотя я ему рассказывал как раз о трудностях... Ни до денег, ни до славы у нас просто не дошло. Все закончилось куда раньше. Я еще и в долги залез.

– А как он познакомился с этими людьми? Ну с теми, кто сейчас в студии?

Иван рассказал, что Женя как-то подверг его настоящему допросу, выясняя, к кому сейчас можно обратиться, чтобы получить поддержку в создании новой группы. Иван описал ему ситуацию и упомянул, что лично знаком с одним таким человеком.

– Он попросил его телефон, – Иван повернулся ко мне, почти не глядя на дорогу. Теперь на проезжей части стало совсем свободно. – Я дал, почему не дать? Еще и посмеялся, потому что не понимал, зачем ему это нужно... Помнишь, я тебе рассказал про вечеринку, на которой мы виделись в последний раз? Он, оказывается, пришел за советом. Мы это с ним только что выяснили. Но у меня просто не было времени с ним поговорить. Если бы я понял, в чем дело...

Он вздохнул:

– Короче, твой Женя решил обойтись без советов. Жить своим умом. Ум, это, конечно, неплохо... Да только бывают ситуации, когда никакой ум не спасет. Самое плохое во всем этом... – Иван вдруг замолчал, и я с тревогой спросила:

– Что? Договаривай, ради бога!

– Понимаешь... – медленно произнес он. – До меня никак не доходит – почему эти господа все-таки обратили на него внимание? Не из-за денег. Это я тоже сейчас выяснил. Вывел его в коридор и как следует с ним поговорил. Так вот – денег он не вкладывал.

Я выдохнула:

– Ну и прекрасно! Значит, он ничем не рискует!

Иван скривил губы:

– Он-то, может, не рискует, зато они... Уже это прослушивание означает, что они начали тратить на парня деньги. Свои деньги, ты понимаешь? Я-то думал, они просто решили обогатиться дурачка, вытянуть из него все, что он припас на черный день. А он пришел к ним с пустыми карманами, и, как видишь процесс все-таки пошел. А почему?

Я не могла ответить ему на этот вопрос. Мне даже не казалось, что вопрос такой уж важный. Самое главное я уже узнала – Женя своих денег не вкладывал. Точнее – чужих денег, потому что своих у него не было. У меня камень с души свалился – по крайней мере, от самого страшного он был застрахован! У меня даже появилась крамольная мысль – а вдруг Женя был прав, когда предположил, что Иван завидует его успешному началу? Ведь самому ему не повезло... Мало ли почему могли обратить внимание на такого парня, как Женя! Тем более я никогда не слышала его голоса. Настоящего голоса – я вовсе не считаю пением то мурлыканье, которое часто слышала на кухне или в душе. Он любил что-то напевать, будто про себя, и одно я могла сказать точно – Женя не фальшивил, слух у него был. А если еще интересный голос... И потом, внешность...

Я вдруг представила себе невероятное – он все-таки добьется успеха. И я в таком случае увижу его на сцене – в окружении новой группы, среди света прожекторов, дыма, бог знает еще чего! Я вообразила, как он будет там выглядеть, и заранее почувствовала ревность – ревность ко всем поклонницам, которые у него обязательно появятся. Еще бы! Одно дело, когда такой парень стоит за прилавком и торгует пластинками, и совсем другое – когда он же, затянутый в блестящую кожу, накрашенный, причесанный, разжигает публику на сцене... Нет, все-таки это было слишком невероятно!

– Рок-н-ролл мертв, а я еще нет, – вдруг произнес Иван, возвращая меня в реальность.

– Что?

– Я говорю, что рок сдох. По крайней мере, в наше время и в нашей стране. Ты видишь, что происходит? Экран забит попсой. Сцены – тоже. Если не попса – то рэп или альтернатива. Классический рок мертв, а ему почему-то подбирают группу. И я не понимаю почему! Может, ты ответишь?

Я сказала, что если он не знает, то где уж мне догадаться. И нерешительно добавила:

– А может случиться такое... Ну если только предположить... Что он им в самом деле понравился? Ну разве так не бывает? То есть разве это не должно быть именно так?

Иван коротко и невесело рассмеялся:

– Не здесь и не сейчас, Надя! Двадцать, тридцать лет назад, в Америке, в Европе – пожалуйста! Ты наивна, я понимаю. А вот он – просто сумасшедший!

Я не стала возражать, хотя, надо сознаться, совсем так не думала. Конечно, Иван говорил убедительно. Но ведь он – лицо пристрастное. Неудачник, как это ни грустно. И чужое везение воспринимает как пощечину. Должен воспринимать, хотя бы подсознательно.

Иван довез меня до самого подъезда, хотя я несколько раз просила, чтобы он не утруждался и ехал домой. Парень только отмахивался. Уже на подъезде к дому я выяснила, что в тот день, когда мы с Женей были приглашены к нему на дачу, то есть в студию, неожиданно выяснилось, что туда должен был приехать представитель продюсера. Того самого, с которым сейчас встретился Женя. Утром, когда позвонил Женя, Иван предложил их познакомить, и вот тогда-то Женя неожиданно свернул разговор и сказал, что приехать не сможет. Точнее, мы не сможем – он отказался и от моего имени.

– Странно. – Я взяла из пачки последнюю сигарету и медлила уходить, хотя машина уже стояла возле моего подъезда. – Если он хотел встретиться с продюсером, логичнее было поехать.

– Может, не желал говорить при тебе или при мне. – Иван смял и выбросил в окно пустую пачку. – Кто его поймет... Слушай, а он вообще нормальный? Ты говорила про какую-то двойную жизнь...

– Ну что ты, это обычная шизофрения, – засмеялась я. – Как у всех у нас. Ладно, спасибо, что довез. Я бы тебя позвала на чай, да только, кажется, ничего к нему нет...

Я видела, что он заколебался, и испугалась – как бы Иван в самом деле не принял мое приглашение. А я-то позвала его только из вежливости... Но он все-таки отказался, сославшись на то, что ему еще нужно куда-то заехать. Видимо, он привык к простым нравам, потому что на прощание звонко чмокнул меня в щеку. И уехал, оставив меня у подъезда – с наполовину докуренной сигаретой, горячей щекой и полным хаосом в голове.

А между вторым и третьим этажами на лестничной площадке стояла злая как черт Шурочка и наблюдала из окна все это безобразие. Что она все видела, я поняла из первых же ее слов.

– Это кто такой был? – Она даже не дала мне подняться на последнюю ступеньку. Весь подоконник был усыпан окурками ее сигарет, и я поняла, что она стоит здесь уже давно.

– Знакомый Жени, – ответила я, доставая из сумки ключи. – Зайдешь?

Она стала подниматься вслед за мной, продолжая возмущаться на ходу:

– Где вы шляетесь, я уже почти час тут стою! Звонила вам, звонила, никто трубку не берет! Будто вымерли! Мама сказала, чтобы я к вам съездила.

– И очень хорошо, что приехала. – Я открывала дверь, с трудом попадая ключом в замочную скважину. Меня уже ноги не держали, и смертельно хотелось пить. – Сейчас поставлю чайник.

– А Женя где? – допытывалась Шурочка. – Он что – не с тобой приехал?

Я не ответила ей. Мне нужно было выиграть хотя бы несколько минут, чтобы все обдумать. Быстро раздевшись, я заперлась в ванной и крикнула Шурочке, чтобы она поставила чайник. Пустив в раковину воду, я посмотрела в зеркало. Да, Шурочка конечно, заметила, что я плакала, хотя пока ничего мне не сказала. У меня после слез опухают веки, и раньше чем через несколько часов, краснота не проходит.

Я умылась прохладной водой, причесалась. Нельзя было прятаться бесконечно, нужно выйти. И что-то соврать. Потому что Женя меня просил... Еще час назад я вовсе не собиралась выполнять его просьбу и участвовать в обмане. В конце концов, это его мать, его сестра, и раз он так поступил со мной, то какое мне дело до их переживаний... Но теперь что-то изменилось. Может быть, я подпала под гипноз его уверенности – ведь он так уверенно говорил,

что добьется успеха! А может быть, меня задело то видение, в машине. И мне подумалось, что испортить дело я всегда успею. А вот если я ему немного помогу... Не может быть, чтобы он этого не оценил. И ведь он сказал мне, что ему ни с кем не будет так хорошо... Хотя я и неправильно угадала песню.

Я вытерла лицо грубым полотенцем так, что кожа покраснела. Если Шурочка спросит, плакала я или нет, скажу, что просто устала. Что ей показалось. Что Женя...

– Женя сегодня задержался на работе, – самым беззаботным тоном заявила я, выходя на кухню.

Шурочка уже заваривала чай, отчаянно гремя посудой. Она все делала впопыхах, будто куда-то опаздывала. Чашки у нее бились ежедневно.

– Да ты с ума сошла, – нервно ответила Шурочка. – Кстати, где у тебя полотенце? Какая работа в такое время?!

– Им снова завезли новую партию дисков, нужно их маркировать. Полотенце прямо у тебя перед глазами.

Шурочка недоверчиво посмотрела на меня – видимо, я ее не слишком убедила.

– А ты откуда приехала?

– Оттуда же. Из магазина. Его знакомый предложил подвезти, ну я и согласилась.

Я сама налила себе чаю – если ждать, пока это сделает Шурочка, можно умереть от жажды. Села к столу, блаженно вытянула ноги. Чувствовала я себя не так уж плохо – может, вошла в образ. Ведь мне нужно было изобразить спокойствие и благополучие.

– А почему он тебя поцеловал? – осторожно спросила Шурочка.

Значит, она и это разглядела! Я поставила чашку:

– А почему бы и нет? Это был дружеский поцелуй, в щеку. И я давно его знаю.

– Слушай, у вас с Женей все в порядке? – так же осторожно поинтересовалась она. – У меня такое чувство, что вы как-то...

– Все великолепно, – уверенно ответила я. – Все как всегда. Ты что – не привыкла к тому, что у нас все хорошо?

– Не знаю... – протянула Шурочка. – Мне кажется, что вы не так давно вместе... Вы не поссорились? Правда, все хорошо?

Она успокоилась и начала наливать себе чай. Однако тут же оставила полупустую чашку, принялась шарить на полках. Нашла какую-то завалявшуюся карамельку и быстро, как белка, разгрызла ее пополам. Половинку съела, другую уронила на пол. И все она делала так – импульсивно, неаккуратно, ни дать ни взять – какой-то суетливый зверек с очень острыми зубами. Этим она была очень непохожа на брата, хотя внешнее сходство было поразительное. Только у Шурочки эта яркая, слегка манекенная красота была на своем месте – хорошенькой девушке, в общем, полагается так выглядеть.

– Слушай, – обратилась она ко мне, когда устала разжевывать засохшую карамель. При этом Шурочка, как обычно, округлила глаза, будто собиралась сообщить нечто сенсационное. – Я на Новый год точно дома не останусь. Так вы идете к маме или нет?

– Ну, до Нового года еще далеко, – вяло возразила я. Мне все больше хотелось спать.

– Как далеко? О чем вы думаете?! Два дня осталось! Вы хотя бы елку купили?

– Успеем, – отмахнулась я.

– Нет, я вас не понимаю! – возмущалась Шурочка. – Ну ладно бы еще обычный Новый год, а то ведь новое тысячелетие наступает!

Я хотела возразить, но не стала этого делать. У Жени уже был крупный разговор с сестренкой на тему надвигающегося тысячелетия, и ему не удалось ее переубедить. Его мать в этом вопросе держалась нейтралитета. Ей, как она сама заявила, было все равно, что там наступает, жизнь от этого все равно краше не сделается.

– У меня уже вся ночь по минутам расписана, – увлеченно заговорила она. – Это будет нечто, хотя, конечно, хотелось бы поехать куда-нибудь за границу... Ну так что? Могу я сказать маме, что вы придете?

Я в сердцах ответила, что пока не знаю. Что, может быть, и придем. Во всяком случае, сперва мне надо каким-то образом встретиться с Женей и уточнить, что он собирается делать на Новый... Я не закончила фразу. Увидев изумленные Шурочкины глаза, я прикусила язык и поняла, что проговорилась.

ГЛАВА 4

Вода бежала в ванну, и пена поднималась все выше. Я слегка повернула кран, уменьшая напор. Лучше, чтобы вода набиралась медленнее. Тогда я проведу в ванной больше времени... Может быть, Шурочке надоест ждать и она уйдет.

А пока она сидела в комнате и ждала, когда вернется Женя. Мне кое-как удалось замять свою неосторожную реплику, но окончательно успокоить Шурочку не удалось. Она почуяла неладное и заявила, что предпочитает дожидаться брата. Что я могла ей возразить? Выбросить ее на лестницу, сказать, чтобы зашла завтра? Тем более Шурочка сразу позвонила маме и сказала, что задержится. Та ее полностью одобрила и попросила передать мне трубку.

– Наденька, что же он так задерживается на работе? – спросила она меня. – Ведь уже двенадцатый час! Когда вернется, пусть проводит Шуру до метро... А если вам не трудно, оставьте ее ночевать, ладно?

Я не смогла сказать «нет». Тем более у нас была раскладушка для засидевшихся гостей, и его мама прекрасно об этом знала. Раскладушка была ее собственная. Пожелав своей «све-крови» спокойной ночи, я отдала трубку Шурочке и заперлась в ванной. Меня немного утешало одно – Шурочка вряд ли знала телефон музыкального магазина. А то ведь могла позвонить туда, чтобы спросить, намерен ли братец ехать домой. Конечно, трубку в это время никто не возьмет, и это сразу наведет ее на мысль, что Женя вот-вот приедет. Она не уйдет. Как же ее выставить?!

Я лежала в ванне, по самый подбородок утонув в пене, когда Шурочка принялась стучать в дверь. Пришлось вынырнуть.

– Что такое? – крикнула я, надеясь про себя, что Шурочка хочет сообщить, что едет домой. Но дело было в другом – оказывается, меня просили к телефону.

– Пусть перезвонят, – сказала я.

– Это мужчина, – страшным голосом ответила Шурочка. – Он не представился, что я ему скажу? Просил срочно тебя позвать. Да открой ты дверь, я тебе суну телефон.

Я отодвинула задвижку и в щели увидела укоризненные глаза Шурочки и ее руку с трубкой. Мне звонил Митя. Я ушам своим не поверила и едва не спросила, как же ему бабушка разрешила занимать аппарат в такое позднее время, но вовремя опомнилась.

– Нормально доехала? – каким-то неестественным голосом спросил Митя.

– Прекрасно. Спасибо, что позвонил, только понимаешь... Я в ванне.

Он ответил что-то вроде «а-а, понятно», но не извинился и трубку не положил. Я стала замерзать и снова по горло опустилась в остывающую воду. Попутно я соображала, какой отчет получит мама от Шурочки. Та наверняка скажет, что я спуталась с каким-то мужиком, имеющим собственную машину... После этого от меня потребуют ответить, куда я дела их сына и брата... Митя наконец подал голос:

– Слушай, а Женя не с тобой?

– Нет, все по-прежнему. А почему ты думаешь, что он вернулся?

Парень откашлялся и сослался на собачий холод. Оказывается, он звонил из автомата рядом с домом. Я удивилась:

– А что ты в такое время делаешь на улице?

– Меня твой Женя вызвал, – мрачно ответил тот. – Позвонил бабке и сказал, что с работы. А то бы я и трубку не взял.

И я выслушала диковатую историю. Оказывается, Женя потребовал объяснений. По какому это праву Митя отстаивал мои интересы в магазине и куда это мы потом вдвоем уехали? Я едва не расхохоталась, настолько невероятно все это прозвучало.

– В самом деле он ревнует? – спросила я. Наверное, громче, чем нужно, и Шурочка меня слышала... Но теперь мне не было до нее дела.

– Похоже на то, – безрадостно ответил Митя. – Во всяком случае, он мне только что заявил, чтобы я от тебя отстал. Он, видите ли, не потерпит, чтобы кто-то водил его девушку по разным кабакам и накачивал шампанским.

– Ты объяснил, что это была всего лишь работа? – перебила я его. – И что мы расстались сразу после презентации?

– Ну еще бы! Пришлось объяснять! Хотя разве я обязан давать ему отчет, как провожу вечер?! – рявкнул парень. – И вообще, определитесь уже – вы расстаетесь или нет? Я не собираюсь служить вам козлом отпущения. Если ты хотела, чтобы он поревновал...

Митя в самом деле злился, и мне нелегко было добиться от него толкового рассказа. В конце концов я все-таки выяснила, что их встреча произошла буквально минут двадцать назад, на автобусной остановке рядом с Митиным домом. Женя, оказывается, появился с шиком – на той самой иномарке, в которой Митя его как-то видел, да еще с приятелями. Правда, приятели из машины не выходили, Женя вел воспитательную беседу с глазу на глаз, отведя Митю за кiosk «Роспечати».

«Значит, он позвонил Мите сразу после прослушивания, – сообразила я. – Интересно узнать, чем оно закончилось?» Хотя мне было куда важнее знать, куда после этого отправился Женя. И почему бы ему не дать мне хотя бы телефон, раз уж он так тщательно скрывает свой новый адрес?

Я извинилась перед Митей, наверное, раз десять. За все – и за причиненные неудобства, за Женину грубость. Я извинялась, а мне хотелось смеяться. Теперь я была почти спокойна за себя. Может быть, ревность не обязательно предполагает любовь... Но все-таки часто ей сопутствует!

Когда я накинула халат и вышла из ванной, Шурочка указала мне на часы:

– Почти двенадцать. Где он пропадает?! Только не говори, что на работе! Такого в жизни не бывало, магазин давно закрыт!

– Ну, видимо, он задерживается, – невозмутимо ответила я. – Он ведь обычный продавец, что ему скажут, то и делает. Ты-то нигде не работаешь, никому не подчиняешься. Тебе не понять.

Волосы в ванне слегка намокли. Я достала фен и хотела его включить, но Шурочка встала между мной и зеркалом:

– Слушай, мне ты можешь сказать все. Вы разбежались, верно?

– Ну что ты выдумала?

– Только, пожалуйста, не считай меня дурочкой, – резко ответила она. – Может, в его делах на работе я не все понимаю, ты права, но что касается мужчин... Тут опыта у меня побольше, чем у тебя. Один мужик тебя домой подвозит, другой тебе в такое время звонит, а Жени нигде нет.

– Ты мне дашь в зеркало посмотреться? – осведомилась я.

– Потом посмотришься. Дай номер, я позвоню ему на работу.

– У меня нет этого номера, – ответила я, дерзко глядя ей в глаза. – А ты если в чем-то сомневаешься, поезжай завтра в магазин и сама поговори с братом. Послушай, что он тебе скажет.

– И поеду!

– И поезжай, если тебе делать нечего! А я весь день пахала и теперь ложусь спать.

Не обращая больше на нее внимания, я включила фен и принялась обрабатывать волосы щеткой. Волосы у меня вьются от природы, и если их вовремя не просушить, выпрямив щеткой, я становлюсь похожей на Мальвину. С той разницей, что я рыжая.

Шурочка открыла рот и что-то сказала, но я не расслышала – фен заглушал ее голос. Потом она отошла от зеркала, и я, глядясь в него, увидела, что Шурочка берет свою сумку и выходит в коридор. Когда я нажала кнопку и выключила фен, в тишине раздался грохот захлопнувшейся двери.

Что ж, мы поссорились впервые за два года нашего знакомства. Честно говоря, давно было пора. Разве я когда-нибудь пыталась диктовать ей, как жить? А она только этим и занималась, внушая мне, что мне нужно сменить работу, цвет и длину волос, пудру, которой я пользуюсь, стиль одежды... Я все это выслушивала с улыбкой, хотя согласитесь, кому это приятно?! Тем более, подозреваю, что все эти советы давались не от чистого сердца. Она просто ревновала ко мне любимого брата и недоумевала – что он во мне нашел? Я взорвалась только один раз, когда Шурочка, от нечего делать зайдя к нам в гости, сообщила, что среди ее поклонников появился некий известный в Москве пластический хирург. Он, оказывается, может незадорого превратить мой вздернутый нос в идеальный – прямой. Говорилось это таким тоном, как будто она самоотверженно спасала меня от страшного несчастья.

Я тогда ответила, что своим носом совершенно довольна. Так же, как и карим цветом своих глаз – она пыталась заодно навязать мне какие-то цветные линзы. А также не собираюсь менять ни свой рост, ни вес, ни объем груди. И сказала, что если Шурочке так неприятен мой внешний вид, она может заходить к нам пореже. Но до ссоры тогда не дошло – вмешался Женя, который назвал сестрицу свихнувшейся курицей. Так что дальше они уже поссорились между собой, а я пошла на кухню готовить ужин. Теперь же нас некому было разнять.

Я улеглась в постель и погасила свет. Завтра с утра нужно будет прослушать сделанные на презентации записи и заодно переписать с кассеты адрес студии. Это был единственный адрес, по которому можно было найти Женю. Но у меня появилась твердая надежда, что он не станет слишком долго от меня скрываться. Уж если нашел время вразумить моего назадачливого кавалера... Странно только, что Женя ничего мне не высказал, когда я явилась в студию. Но возможно, ему не хотелось, чтобы я знала, как он меня ревнует. С этой приятной мыслью я на удивление быстро уснула.

* * *

За последние дни я так намучилась, что теперь блаженно проспала до полудня. И спала бы еще дольше, но меня разбудила громкая музыка у соседей. Видимо, там уже установилось новогоднее настроение. Пришлось встать, тем более пора было браться за работу.

Я позавтракала и прежде всего позвонила своей редакторше на радио. Поблагодарила ее за интересное задание, и мы договорились, что я завезу материал ближе к вечеру. Заодно напишу вступление. Конечно, читать в эфире его буду не я – на это есть диктор. Но редакторша так дружелюбно со мной разговаривала, что у меня появилась слабая надежда – а вдруг мне все-таки улыбнется удача и я стану штатным сотрудником? А там уж, если повезет, смогу и в эфир выходить! Это было моей заветной мечтой – именно эфир, а вовсе не беготня по разным мероприятиям с диктофоном в руке. А что здесь невероятного?! Не боги горшки обжигают, а голос у меня приятный – Женя, знаток голосов, как-то сделал мне комплимент. Это было еще в самое первое время нашего знакомства. Тогда он мне признался, что голос для него всегда значил намного больше, чем внешность человека. Как бы ни был человек хорош собой, общителен и обаятелен, если у него глухой или визгливый голос, Женя не сможет долго выносить его компанию. Я немного помечтала – если нам обоим повезет, я, может быть, буду вести какую-нибудь музыкальную передачу и ставить в эфире записи его новой группы...

А потом я посмеялась над собой и запретила себе думать об этом. Нужно было браться за работу, и я принялась прослушивать записанные накануне кассеты. Сразу же обнаружилось, что вчера я была не в форме и вела на презентации много никчемных бесед. Поэтому пришлось

заняться сведением нужного материала на чистую кассету. Я возилась с этим почти час, когда зазвонил телефон.

Женский голос назвал мое имя и попросил меня к телефону. Я представилась.

– Я не узнала вас, – извинилась женщина. – Вы нам как-то звонили, я брала трубку. Я подруга Ивана, меня зовут Ксения. Скажите, пожалуйста...

Она сделала паузу, и я поняла, что женщина волнуется – в трубке ясно слышалось ее учащенное дыхание.

– Он, случайно, не у вас? – спросила она наконец.

– Ну что вы... – Мне стало жарко от волнения. – Мы с ним, правда, виделись вчера, и он подвез меня до дома. Только мы расстались у подъезда. Он сразу уехал.

– Я верю, верю, – откликнулась Ксения, и голос у нее был очень усталый. – Просто я знаю, что вчера он собирался с вами встретиться в студии, и вот подумала... А он не говорил, что еще куда-то поедет?

Я попыталась вспомнить, но так ничего и не припомнила, кроме того, что, расставаясь со мной у подъезда, Иван упомянул о каком-то деле. Я сказала об этом.

– Не знаю, может, я зря волнуюсь, – совсем уже тихо ответила она.

– А он не приезжал домой?

– Нет. Но не в этом дело. К такому я давно привыкла, – с горечью заметила Ксения. – Только он не позвонил, а это как-то странно... У нас уговор, что в таком случае звонить нужно обязательно...

Она вздохнула, еще раз извинилась за беспокойство. Я поняла, что Ксения собирается попрощаться, и остановила ее:

– Скажите, а он часто ездил за рулем... Ну, скажем так, в подпитии? Вчера он выпил банку пива, пока вез меня домой.

Ксения подтвердила, что ее приятель постоянно управлял машиной, будучи «под мухой». И банка пива была для него, что стакан родниковой воды, он бы этого и не заметил.

– Ну, может быть, он где-то потом добавил, – заметила она, раздумывая вслух. – Ладно, что я вам надоедаю со своими проблемами. Извините. А кстати, – она немного оживилась. – Ваш парень набрал себе группу?

– Вы об этом слышали?

– Конечно. Иван мне все уши прожужжал, – Ксения оживлялась все больше. Видно, ей было приятно отвлечься от своих тревог и поговорить о чужих. – Иван за него переживает, а я говорю – оставь парня в покое, пусть делает, что хочет. Ведь правда? Ивану однажды не повезло, так почему всем должно не везти?

Я полностью с ней согласилась и рассказала о вчерашнем прослушивании – во всяком случае, о том, что видела и слышала за то недолгое время, пока была на студии. Ксения пренебрежительно заметила:

– Да это, собственно, не студия. Так, отстойник.

– То есть? – переспросила я.

– Ну перевалочная база для начинающих или нищих групп. И кому принадлежит, непонятно, и оборудования серьезного там нет, – авторитетно рассказывала она, и в ее голосе появились снисходительные нотки. – Там собирается бог знает кто, потом никаких концов не найдешь. Ивану еще и этот адрес не понравился, вот он и поехал парня выручать. А я ему говорила – не ввязывайся, себе дороже выйдет. Как же, послушает он меня!

С нее слетела вся напускная солидность, и теперь мне показалось, что Ксения даже моложе меня – так быстро она щебетала.

– Да уж, с мужиками связываться – себе дороже, – сделала она вывод. – Вечно они куда-то вляпываются. Но и без них никак, согласитесь?

И засмеялась – видимо, отсутствие Ивана перестало портить ей настроение. Ксения бодро попрощалась и обещала как-нибудь пригласить нас с Женей в гости. Попутно она выразила сожаление, что я не смогла прийти на ее день рождения, хотя меня приглашали.

– А впрочем, там ничего особо интересного не было, – вздохнула она. – Все, как обычно, перепились и остались ночевать. Так что вы немного потеряли... Кстати, можно перейти на «ты»?

Я сказала, что это будет прекрасно.

Мы попрощались, и она первая положила трубку. Я ей даже позавидовала – как быстро некоторые переходят от уныния к веселью! Если бы научиться такому легкому отношению к жизни! Но мне для этого пришлось бы родиться заново. Мне ничего так просто с рук не сходит. Я приказала себе прекратить заниматься самоедством и отправляться работать.

К трем часам сведение материала было закончено. Написание вступительного текста (в эфире он должен был занять минуты полторы-две) заняло еще час. Я бы управилась быстрее, но никак не могла отвлечься от неприятных мыслей. Теперь я думала одновременно – о Жене и Иване. Еще не хватало заботиться о чужих парнях! Я ругала себя, но выбросить Ивана из головы не получалось. Я снова и снова возвращалась к нашей вчерашней поездке. Теперь мне было стыдно, что я подозревала его в зависти. При чем тут зависть, завистливые люди так себя не ведут, не тратят драгоценное свое время на то, чтобы спасти кого-то от поражения! Ведь он искренне переживал за Женю. А если бы не он – я бы ничего до сих пор не знала. Ждала бы, когда мое горе само все объяснит... Объяснит он, как же! Наверное, желает дождаться, когда его начнут осыпать розами и деньгами, и прикатить ко мне на шикарной машине.

Только вот... Когда к нему придет успех – вспомнит ли Женя обо мне? Наверное, претенденток на него будет предостаточно. Красивее меня, может, богаче... И с очень острыми зубками. Удастся ли мне пробиться сквозь их толпу?

Я собрала сумку, оделась и поехала на радио.

На улице и в метро творилось что-то невообразимое. Толпы возбужденных людей, с набитыми сумками, ошалевшими взглядами... Кое-где в толпе мелькали елки. Все вместе напоминало подожженный муравейник, когда муравьи беспорядочно бегают в разные стороны, спасая на себе все, что можно. У продуктовых лотков стояли очереди – я видела их своими глазами! Давно уже забыла, как выглядит очередь за продуктами, причем не за самыми дешевыми.

Все эта суэта навела меня на мысль, что у меня Новый год, кажется, будет самый скудный... Холодильник почти пуст. Все эти дни я посвятила личным переживаниям, и мне было недосуг сходить в магазин. Да и много ли нужно мне одной? Главным едоком в нашей семье всегда был Женя. Он умудрялся есть очень много, но при этом совсем не поправлялся. Я ему завидовала, а сама постоянно пыталась сесть на диету. При моем небольшом росте каждый лишний килограмм бросается в глаза. Что ж, в новогоднюю ночь я буду интенсивно худеть. Налью себе стаканчик водички, отрежу кусочек яблочка... Яблоки, кажется, еще оставались. Да и денег нет делать какие-то закупки. Словом, лучше всего отложить встречу нового тысячелетия! А то будет мучительно стыдно ее вспоминать.

На радио тоже все с ума посходили. Со мной не здоровались даже те, кто раньше звал Наденькой. Но я не стала делать из этого никаких выводов – люди, в самом деле не в себе. Моя редакторша примчалась от начальства с замороченными глазами и, не глядя, протянула мне руку:

– Давай сюда, я послушаю. Только потом, идет?

А я-то надеялась, что все решится прямо сегодня. Ну что ж, настаивать было бы невежливо. Редакторша обещала мне позвонить сразу же, как будет одобрен материал. Я поблагодарила ее и вышла в коридор.

Уходить отсюда не хотелось. Мне всегда нравилась здешняя атмосфера. Работала на этом радио преимущественно молодежь, в рекламной заставке так и говорилось, что это молодеж-

ная волна. Здесь в кабинетах сидели девушки еще моложе меня, совсем дети. А тем не менее они были в штате, чувствовали себя здесь как дома. Я ужасно им завидовала, когда краем уха слышала их разговоры. Как бы мне хотелось попасть в эту компанию, обращаться с ними на равных! Сейчас я ругала себя, что долгое время относилась к этой работе, как к чему-то временному. Сколько работ я таким образом перепробовала и бросила! Некоторые места, конечно, мне совсем не подходили. Например, когда я училась в своем гуманитарном институте, я по вечерам подрабатывала раздатчицей в «Макдоналдсе». В результате поправилась на три килограмма и стала настоящей пышкой – гамбургеры мне впрок не пошли, а на газировку до сих пор смотреть не могу. Потом несколько месяцев я была «промо» – стояла в универсальном магазине за столиком и предлагала женщинам попробовать новые духи. Кончилось тем, что я вообще перестала ощущать какие-либо запахи, и обоняние восстановилось только через месяц после того, как я бросила работу. Пришлось даже к аллергологу ходить. Но ведь были места, где я могла закрепиться, например в одной еженедельной газете. Я упустила эту возможность только потому, что как-то с утра расхотела отправляться на неинтересное задание. Просто взяла и не пошла. Ведь я была внештатницей и ни за что не отвечала.

Но сейчас, может, потому, что я осталась одна, мне очень захотелось получить постоянную работу. Надоело жить начерно, в конце концов, мне уже двадцать пять лет! Если, как выражается моя редакторша, я не возьму себя в руки, из меня получится полное ничтожество... Возможно, такая же мысль пришла в голову и Жене? Теперь я не осуждала его за легкомыслие.

На лестнице с сигаретой стоял мой знакомый. Это был местный ди-джей, Толя. Я считала, что он зря тратит время на радио – с его внешностью ему нужно отправляться на телевидение. Он мне очень нравился, и если бы не Женя, я бы в него влюбилась. Очень изящный, черноглазый, белокожий, с блестящими черными волосами, подстриженными в стиле семидесятых. Мы с ним как-то разговорились, когда вместе ждали мою редакторшу, и с тех пор всегда здоровались. Я остановилась рядом с ним и достала сигареты. Толя поднес зажигалку:

– Давно не заходишь. Я уже думал, ты нас бросила.

Я засмеялась:

– Будь моя воля, я бы отсюда вообще не уходила. Только вот пока на работу не берут.

Он зевнул, отворачиваясь и прикрывая рот ладонью:

– Ох, не думаю, что тебе здесь понравится. Может, снаружи все гладко, а вообще-то местечко змеиное. Я подумываю отсюда уйти.

– Да что ты? – огорчилась я. – Как же без тебя?

– У них другие найдутся, – он сбросил пепел в урну. – Присматриваю себе другое местечко. Если понравится, я тебя там представлю. Они как раз набирают штат, им нужны люди.

– А что это такое?

Толя сказал, что пока это секрет. То есть он мне доверяет, но лучше, чтобы местные сплетники не знали. Иначе он упустит синицу в руке и верный кусок хлеба. Я согласилась:

– Тогда лучше не говори. А то, если пойдут слухи, ты будешь считать, что я разболтала. А я точно не разболтаю.

Мы обсудили надвигающийся праздник. Толя заметил, что не придает Новому году никакого значения. Не знаю, правду ли он говорил, но по его словам выходило, что он давно не встречал как следует ни единого Нового года.

– Я вообще-то сова, – признался он. – Но тридцать первого декабря ложусь спать в одиннадцать часов. Выпиваю стакан водки и баиньки. И ты себе не представляешь, как это прикольно! Лежишь в постели, в темноте, а за стеной и на улице такой бардак делается! Музыка, хлопушки, ракеты, танцы... А тебе все это фиолетово. Если рассудить, чем эта ночь отличается от других? Тем более есть еще и Старый новый год. Так какой из них настоящий? Полный

бардак! И потом, как его ни встречай, жизнь не меняется. Назавтра начинается та же чепуха, что и в прошлом году... Только на фоне похмелья.

Он сделал последнюю затяжку и выбросил сигарету. Я заметила, что в этом году, наверное, применю его рецепт. Толя оживился:

– Серьезно? Ты не веришь в этот миллениум, черт бы его взял?

– Конечно нет. Подожду еще годик, тогда, может, встречу как следует новое тысячелетие. А пока всем назло лягу спать в одиннадцать. Ничего другого и не остается. Я совсем не готова к Новому году, и, кажется, поздно начинать... Вокруг такие очереди!

Мы поболтали еще несколько минут, в основном припоминая разные праздники. Толя уже взглянул на часы, явно собираясь меня оставить, когда мне в голову пришла одна мысль. У кого же еще спросить, как не у него? Все-таки он ди-джей!

– Послушай, а трудно раскрутить новую группу?

Мой вопрос застал его врасплох – он широко распахнул глаза и на секунду замер. Потом медленно раздвинул губы в улыбке:

– А в чем дело? Хочешь попробовать?

– Да что ты, это один мой друг хочет! Набирает себе группу, вчера было прослушивание музыкантов.

– А что они будут играть? – заинтересовался Толя.

– Рок.

– А что именно? Это слишком общее понятие. Хард-рок, поп-рок, брит-поп, металл...

– Хард-рок, насколько я уяснила, – неуверенно сказала я. – Ну, типа... Элиса Купера, наверное.

Купера я назвала потому, что он был кумиром Жени, и справедливо посчитала, что именно ему он и захочет подражать. Толя ошеломленно присвистнул:

– Елки-палки! Так твой приятель глэмстер? А краситься, как старина Купер, он будет? А голову в гильотину совать? А кукол на части рубить?

– Сомневаюсь, – ответила я. Теперь мы уже вместе смеялись. – Думаю, гильотина им пока не по карману... Разве что кукла...

– Ну знаешь, – подвел он итог, слегка посерьезнев – Зачем нужен второй Купер, если и первый всем хорош? У него, кстати, скоро выйдет новый концерт. А твой друг просто авантюрист. Но если у него что-то получится, я обязательно схожу посмотреть. Как называется группа?

– Пока не знаю.

– А кто их раскручивает?

Этого я тоже не знала. В общем, Толя ничего нового мне не сказал. Он, как Иван, заявил, что те немалые деньги, которые требуются для серьезной раскрутки нового коллектива, вряд ли окупятся, если группа собралась работать в таком стиле. Среди подростков – а на рынке котируется именно их мнение – больше популярны другие стили.

– Испортили детям вкус, – вздохнул он. – Думаешь, у меня челюсти не сводит от того, что я тут ставлю в эфире? Попсня сплошная. Знаешь, у меня есть сестричка, ей четырнадцать. Так она всерьез считает, что никого круче Бритни Спирс и искать не стоит, все равно не найти. Слушает все мальчишеские группы, только бы парни были смазливые. Кстати, – остановился он. – У твоего приятеля с внешними данными все в порядке?

Я ответила, с этим дело обстоит более чем хорошо. Толя пожал плечами:

– Что ж, вольному воля. Если им повезет с продюсером... Хотя в наше-то время, с нашими проблемами, иногда никакой продюсер не поможет. Пожелай ему удачи от моего имени. Скажи, что я ему очень сочувствую.

Я пообещала сделать это, хотя, конечно, не собиралась передавать Жене ничьих соболешнований. Толя записал мой домашний номер – на тот случай, если действительно потребуются мои услуги на его новой работе. И я ушла.

* * *

Телефонный звонок я услышала, когда начала отпирать входную дверь своей квартиры. Когда я, наконец, справилась с замками и ворвалась в комнату, телефон все еще продолжал звонить. Я сорвала трубку:

– Слушаю?

– Это Ксения, – донесся до меня какой-то очень далекий, заторможенный голос. Мне показалось, что она пьяна. – Я звонила утром...

– Конечно, я помню, – не снимая куртки, я уселась с трубкой на постель. – Иван вернулся?

– Ох, нет, – тихо ответила она. – Мне позвонили из милиции... Он погиб.

Ксения замолчала, а я тоже не могла произнести ни слова. «Погиб» – это звучало невероятно. Я совсем не знала этого человека, но вчера, меньше суток назад, я сидела рядом с ним, разговаривала и курила его сигареты. Ощущение у меня было жуткое – будто я проехала в машине рядом с привидением.

– Ты слушаешь? – внезапно заговорила Ксения. – Я дала им твой телефон. Они тебе позвонят.

– Да? – откликнулась я. – Конечно, только... Я ведь ничего не знаю... Как это случилось?

Ксения вяло, постоянно запинаясь, рассказала, что машину Ивана нашли на обочине Ленинградского шоссе. На нее обратили внимание, потому что наступило утро, видимость была хорошей, а фары все еще горели. Тело обнаружили на пустыре, рядом с шоссе, в одной из канав, которые для каких-то своих целей недавно прорыли ремонтники.

– Больше я ничего не знаю, – тихо сказала Ксения. – Я не была там... Не видела его. Мне позвонили, потому что при нем был паспорт, там прописка... Я взяла трубку и вот...

– Ксения, это ведь не катастрофа? – спросила я, как только обрела способность говорить.

– Нет... Не думаю. Тогда он был бы в машине или рядом... И давно бы приехала милиция. Наверное, его убили ночью...

И вдруг, как будто прорвалась плотина, она зарыдала. Среди всхлипов я слышала обрывки каких-то слов, но не могла разобрать ни одного. Утешать ее? Как, какие найти слова? Да она и не услышит... Ксения плакала очень долго, а я сидела, слегка отняв от уха трубку, глядя в пространство. У меня все еще не укладывалось в голове, что именно произошло... Будь это авария – я бы не так удивилась. Но убийство?

– Его ограбили? – спросила я, как только всхлипы стали раздаваться реже.

Ксения громко вздохнула и сдавленно ответила:

– А что у него брать? Только часы могли содрать, но не убивают ведь из-за одних часов!

– А как это случилось?

– Ударили по голове, так мне сказали... Меня спрашивали: может, он куда-то собирался, кого-то подвозил... Я назвала тебя. Ты, может, видела его последней!

По ее голосу я поняла, что она опять близка к истерике, и торопливо сказала:

– Ксения, я клянусь, что когда он расстался со мной, то был жив! Я видела, как он уехал! И у меня даже есть свидетель!

Я вспомнила о Шурочке, которая наблюдала из окна подъезда наш прощальный поцелуй в щеку. И невольно дотронулась до щеки, будто стирала это прикосновение.

– Да что ты, я же не говорю, что ты убила, – прерывисто вздохнула Ксения. – Он сам, дурак, виноват! Был на Ленинградском шоссе – значит, отправился на свою дачу! А кого он

там посадил по дороге – один Бог видел! Может, вообще девку на обочине снял, это было бы не ново! Господи, как же я от него устала!

И вряд ли осознавая абсурд своих слов, обращенных к мертвому, Ксения опять заплакала.

ГЛАВА 5

Я плохо помню, чем занималась после того, как положила трубку. Кажется, разбирала пакет с купленными по дороге домой продуктами. Я все-таки решила немного подготовиться к надвигающемуся празднику и утробила на это почти все оставшиеся деньги. Даже купила раскидистую еловую ветку с десятком крупных шишек. Кажется, уложив продукты в холодильник, я принялась искать, где у нас с Женей припрятаны новогодние украшения. А потом, достав с антресолей кучу коробок с барахлом, бросила все это на пол в прихожей и уселась на корточки у стены.

Телефон молчал. Никто не желал мне звонить и выяснять, являюсь ли я последней, кто вчера видел Ивана живым. Я, наивная, полагала, что мне позвонят сразу же, и добросовестно пыталась восстановить в памяти все детали нашей встречи. Первой и последней. А потом, незаметно для себя, стала думать совсем о другом. Мне подумалось, что если бы я все-таки пригласила Ивана на чай – как следует пригласила – всего этого могло и не случиться. Но я ведь испугалась за свою драгоценную независимость – как же, а вдруг парень начнет делать мне какие-то авансы! Особенно повлиял на мое решение его прощальный поцелуй. Я не привыкла к такой простоте отношений. А пугаться было нечего...

И конечно, меня начала мучить совесть. Эти вечные «если бы, да кабы»... И ничего не помогало, хотя я внушала себе, что это чаепитие все равно состоялось бы при Шурочке. И тогда она узнала бы всю правду, о том, что Женя здесь больше не живет... Хотя... Может, она уже знает? Ведь она пригрозила, что поедет к брату в магазин.

Я заставила себя встать и подойти к телефону. Открыла блокнот, набрала номер магазина. Попросила позвать к телефону Евгения Зотова.

– Он занят, – нелюбезно ответили мне через несколько минут.

– Пожалуйста, передайте ему, чтобы срочно позвонил Наде, – попросила я и добавила: – Это в самом деле срочно.

И стала ждать, пытаясь как-то отвлечься, доставая из коробки елочные украшения. Мы с Женей встречали Новый год всего два раза и оба раза наряжали елку самодельными игрушками. Я привыкла к этому с детства и считала, что только такой наряд на елке принесет в дом счастье. Уже за месяц до Нового года я шила звезды из блестящей цветной тесьмы, делала фонарики из старых бусин и шелковой бахромы... Получалось здорово. Женя тоже мастерил украшения, очень оригинальные. У его бабушки было несколько старинных будильников в жутком виде и нерабочем состоянии. Он их выпросил, когда был еще подростком, и тогда же разобрал на детали. И теперь увешивал елку этими деталями – бронзовыми зубчатыми колесами, пружинами, стрелками... Мне это очень нравилось – во-первых, красиво, во-вторых, символично. Все-таки в полночь начиналось новое время. Теперь, когда я достала все эти самодельные игрушки, у меня возникли сомнения. Вешать их на елку вместе или ограничиться собственными творениями? Пока я раздумывала, зазвонил телефон.

Это был Женя. В каком настроении – по голосу не определишь, так как он говорил очень сдержанно. Телефон стоял у заведующей, и хотя та, в общем, была довольно терпимой дамой, свой кабинет из деликатности не покидала.

– Случилось что-нибудь? – спросил он. Не похоже было, что Женя очень беспокоится.

– Кое-что, – сдержанно, в тон ему ответила я. – Твой друг погиб.

Я услышала тихий, долгий выдох. Потом – пауза. И наконец, все так же спокойно, он спросил:

– Кто именно?

– Иван.

– Кто?!

О, наконец-то его прорвало! Он крикнул так, что я невольно отвела трубку подальше от уха.

– Иван, твой приятель, – повторила я. – Его убили.

– Не может быть, откуда ты это взяла?!

– Мне его подружка сообщила. А сама она узнала где-то час назад. И теперь со мной будет беседовать милиция.

– Постой-постой, – я слышала, как у него садится от волнения голос. – Ты здесь при чем? Как это случилось?

Я объяснила ему ситуацию. Женя, окончательно перестав стесняться в выражениях, закричал:

– Блин, ну теперь ты понимаешь, что нечего всюду совать свой нос?! Если бы ты не заявила вчера в студию, тебя бы никто не тряс!

Я возмутилась:

– Никто меня и не трясет! Я милиции не боюсь, ведь я простой свидетель! И кстати, у меня тоже есть свидетель, что мы с Иваном расстались у подъезда и он уехал от меня живой!

– Кто же это? Бабушка-соседка?

– Твоя сестра! – выпалила я. – Она ждала меня в подъезде и все видела в окно!

Он умолк. Где-то на заднем плане я расслышала недовольный женский голос. Видимо, заведующей не нравилось, что по служебному телефону ведут столь эмоциональные личные разговоры. Женя быстро извинился, явно не передо мной, и заговорил тише:

– Ты хочешь сказать, Шура вчера приезжала к тебе?

– А ты не знал? Она и к тебе собиралась, чтобы узнать, разбежались мы или нет.

– Ты проговоришься?

– Она сама догадывается. Это нелегко скрыть.

Женя вздохнул и еще раз извинился – видимо, заведующая окончательно потеряла терпение.

– Послушай, Надя, – быстро произнес он. – Сиди дома, никуда не выходи. И если будут звонить, трубку не бери!

– Но почему?

– Я приеду, и мы все обсудим, – отрезал он. – Дождись меня, слышишь?

– Да что обсудим? – удивилась я, но он первый повесил трубку. Перезвонить я не решилась, во второй раз его точно не пригласили бы к телефону.

– Черт! – сказала я, неизвестно кому, и стукнула кулаком по дивану. Что-то больно кольнуло меня в ребро ладони. Я обнаружила, что ударила прямо по большой часовой стрелке – красивой узорной стрелке, которая когда-то отмеряла минуты. На коже выступила бусинка крови, я машинально ее слизнула. Совсем как в детстве, когда ненавидишь йод, перекусишь и пластырь и думаешь, что никогда не станешь взрослым. Время мне отомстило.

Я так и не нарядила в тот вечер свою еловую ветку. У меня все из рук валилось после этого разговора. Я только поставила ее в воду, в большую керамическую вазу, и через некоторое время меня стали пугать сухие, отчетливые щелчки. Это, чешуйка за чешуйкой, в тепле стали раскрываться шишки.

Поужинала я всухомятку, готовить не хотелось. Потом сварила себе кофе, поставила первый попавшийся под руку диск из Жениной коллекции. И тут же выключила музыку. Я чувствовала себя такой же потерянной, как и в первые дни исчезновения Жени. А может быть, еще хуже. Да, теперь мы общаемся... Но я все меньше его узнаю. Я перестала его понимать, а он отказывается давать объяснения. Это было ужасно. Уж лучше бы я не ходила в музыкальный магазин, не звонила Ивану. В конце концов, я бы как-нибудь перетерпела все это. Я бы справилась...

Я не отнеслась слишком серьезно к запрету Жени выходить из дома и не брать трубку. Скорее всего, он все преувеличил и всерьез решил, что у милиции будут ко мне какие-то претензии. Можно было даже радоваться, что Женя так за меня испугался...

Но радоваться почему-то не хотелось. Конечно, я никуда в тот вечер не пошла – незачем было. А трубку не брала по очень простой причине – мне никто не звонил. Ни одна живая душа. Даже Шурочка – хотя она так и не переговорила с братом. Впрочем, она на меня обиделась. Своим родителям я звонила вчера. Мама спрашивала меня, как мы с Женей собираемся встречать Новый год. Приглашала прийти к ним хотя бы ненадолго. Я ответила, что сама еще не знаю, как все сложится. Кстати, своей маме я тоже ничего не рассказала. Не хотелось выслушивать упреки и соболезнования перед Новым годом. Не хотелось, чтобы меня жалели.

Я бродила по квартире как неприкаянная и не знала, за что взяться. Дел по хозяйству за последние дни накопилось немало, но мне не хотелось ни стирать, ни прибираться. Мне хотелось только, чтобы он наконец приехал. Ведь Женя ясно сказал дожидаться его! Вот только не уточнил, к какому часу его ждать.

В тот вечер он так и не приехал. А ранним утром следующего дня я проснулась от громкой музыки у соседей. Немного полежала, не включая света, и чертыхнулась – неужели обязательно начинать праздник в такое дикое время? Сняла с полки будильник, разглядела стрелки. С ума сойти, всего начало восьмого! Но судя по многочисленным шумам, весь дом уже был на ногах. Значит, и мне заснуть не удастся. Слышимость здесь была просто безобразная, я слышала даже, как храпит во сне сосед.

Что ж, придется вставать. Я накинула халат, сунула ноги в теплые тапочки из искусственного меха. Они изображали тигрят, это был подарок Шурочки на мой прошлый день рождения. Ведь по году я Тигр. В этих смешных тапочках я отправилась умыться и только в ванной, уже почистив зубы, вдруг поняла, что, проходя через прихожую, видела свет на кухне. Он пробивался сквозь толстое желтое стекло в двери. Неужели я его не выключила, когда ложилась?

– Доброе утро, – измученным голосом произнес Женя, поднимая голову со сложенных на столе рук. Глаза у него покраснели, светлые волосы растрепались и торчали вихрами. Я прислонилась к дверному косяку.

– У тебя кончился кофе, – сказал он, видя, что я не двигаюсь с места.

– Знаю, – мне наконец удалось поверить, что он вернулся. – Вчера сварила последнюю порцию. Но у меня еще есть чай.

Он поморщился, давая понять, что чай – это не то, что ему нужно. Потом раскрыл стоявший у ножки стола пакет и достал оттуда, как из мешка Деда Мороза, бутылку коньяка, шоколадные конфеты, копченый рулет и пакет мандаринов. Прямо продуктовый заказ (с небольшими поправками на современный выбор продуктов). Такие заказы мои родители получали к Новому году на своем предприятии. Я до сих пор помню, какие давали конфеты и как пахли те три-четыре мандаринки, которые входили в набор. Этот запах ледяных, принесенных с мороза мандаринов навсегда остался для меня связанным с новогодней елкой.

– Давай выпьем, – сказал он, разложив на стол все это богатство.

– С утра? – поинтересовалась я. – Раньше у тебя не было таких привычек.

Он попросил достать рюмки и не разводить демагогию. Я послушалась. Коньяк оказался превосходным – довольно мягким, душистым, чуть обжигающим. Я сразу избавилась от последних остатков сонливости. Да и пора было – музыка у соседей уже гремела вовсю. Видимо, они решили увеличивать громкость с каждым часом, приближающим их к Новому году. Что же будет в полночь?

– Ты, как я понимаю, пришел в гости? – осторожно поинтересовалась я, когда он придвинул мне конфеты.

– Надя, я пока не могу тут жить, – не глядя на меня, произнес он. – Но потом обязательно сделаю так, что мы опять будем вместе.

– Если ты этого хочешь, так и будет, – как можно спокойней ответила я. – Потому что я тоже этого хочу.

Он выпил еще. Наверное, Женя пришел совсем недавно, потому что, когда я коснулась его руки, пальцы у него были совсем ледяные после улицы.

– Ты давно тут сидишь? – спросила я. – Почему ты меня не разбудил?

Вместо ответа он налил мне еще одну рюмку. Я отодвинула ее:

– Больше не хочу. До полуночи у нас еще будет время напиться.

– Но я не смогу остаться до полуночи.

Он по-прежнему не встречался со мной взглядом. А я... Я могла собой гордиться. За эти дни я научилась сносить удары. Если не ждешь ничего хорошего, то перестаешь удивляться плохому. Я и бровью не двинула, когда услышала его заявление. В общем-то я давно поняла, что у него подобралась другая компания на Новый год.

– Если позвонит твоя сестра или мама, что я им скажу? – спросила я, отворачиваясь к плите и беря спички. – Посоветуй, что соврать. Где мы, по легенде, проводим эту ночь?

Он разогнал дым моей сигареты:

– Шура не позвонит.

– Почему?

– Я вчера вечером к ним ездил и все уладил. Они заранее передают тебе свои поздравления... И беспокоить тебя больше не будут.

– И все-таки, что ты им соврал?

Наконец мне удалось поймать его взгляд. Глаза у него были... Какие-то больные. Но может быть, вторая рюмка просто оказалась лишней.

– Я сказал, что мы на несколько дней уезжаем кататься на лыжах, – без улыбки пояснил Женя. – По горящим путевкам.

Я засмеялась, представив себе Шурочкино удивление. Ладно, она вполне могла не знать, что я равнодушна к зимним видам спорта, но уж о своем брате она знала все!

– Как же она тебе поверила? – удивилась я. – Ты же, как школу окончил, на лыжи больше не вставал, сам говорил!

– Мы и поедем туда учиться, – хладнокровно возразил Женя. – И вообще не переживай. Это не твоя головная боль. Кстати...

Он сделал паузу, которая тянулась до тех пор, пока моя сигарета не дотлела до фильтра. Наконец я раздавила окурочку, встала, приоткрыла форточку. На улице оказалось на удивление тепло. Я даже слышала, как капает с крыши. Новый год и оттепель...

– Я ведь пришел поговорить о другом, – сказал он наконец.

Я обернулась, а он, столкнувшись со мной взглядом, быстро отвел глаза в сторону. Интересная у него появилась манера. Раньше он столько не суетился.

– Скажи, тебе не звонили из милиции? – спросил он.

Я пожала плечами:

– Ты же запретил мне брать трубку.

– Значит, кто-то звонил?

Я его успокоила, сказав, что просто хотела проверить его реакцию. Мне, в самом деле, было интересно увидеть – встревожится он или нет? Он встревожился, хотя очень старался это скрыть. Но Женя может обманывать кого угодно, только не меня. Я слишком долго любовалась его лицом, чтобы не выучить наизусть все оттенки его мимики.

– Если позвонят, ты скажешь, что ни с каким Иваном никогда не встречалась, – как бы между прочим произнес он. И взял мои сигареты.

В первый момент я ушам своим не поверила. А потом мне стало очень не по себе. Меня обдало какой-то ледяной волной, и в этом была виновата вовсе не приоткрытая форточка.

Но я все-таки ее закрыла. Поставила на плиту чайник. Достала чашки. Мне нужно было заняться чем-то очень обычным, чтобы удержаться на плаву. Потому что реальность начинала мне казаться все менее реальной. В какой-то момент меня даже посетила совершенно безумная мысль. Как-никак, а Женя сейчас живет в своей долгожданной второй жизни. Не знаю уж, какими путями, но он туда попал. А если эта вторая жизнь стала явью, то, может, его первая жизнь окажется всего лишь сном? И в том числе я. Прямо как в той китайской головоломке, про человека, который уснул, и ему приснилось, что он бабочка. Причем бабочка, которой в это время снится, что она тот самый человек. Короче, когда тот несчастный проснулся, он так и не смог разобраться, где же правда, а где сон. Ему все казалось одинаково реальным.

– Что за чушь, – наконец сказала я. Надо было что-то сказать, потому что он снова замолчал. – Почему это я должна врать, что не встречалась с ним?

– Желаешь заполучить проблемы? – спросил он.

– Не понимаю... Ты что – угрожаешь мне?!

– Да я хочу спасти тебя от неприятностей, дурочка, – он даже протянул руку, но я сделала вид, что не замечаю этого. Во мне что-то медленно вскипало, прямо как в чайнике, который уже начинал потихоньку шуметь на огне.

– Может быть, я и дурочка, – пытаюсь сдерживаться, произнесла я. – Только не сумасшедшая. Пока еще. И врать милиции не собираюсь. И вообще... Какого черта ты меня просишь об этом?! Ты-то какое отношение имеешь к убийству?!

Женя поджал губы – я видела, что они у него подрагивают. Он тоже был на пределе.

– Никакого отношения, – ответил он. – Успокойся, я не убивал его. И не знал, что его убили. Ты же сама это поняла, когда позвонила мне в магазин.

В самом деле, тогда его реакция была вполне убедительна. Он впервые услышал о смерти Ивана. Однако... Он ведь мог и сыграть это удивление! Последняя мысль напугала меня еще больше. Если он столько врет, значит, у него есть веские причины... Господи, что он натворил?!

– Просто я навел кое-какие справки, – говорил Женя, гоняя по столу пустую рюмку. Вряд ли он сознавал, что делает это, потому что взгляд у него был абсолютно отсутствующий. – Иван вляпался в очень неприятную историю. Не знаю, рассказал он тебе или нет...

– Нет, – не выдержала я. – Мы говорили только о музыке.

– Но может, он тебе сказал, куда собирается ехать после того, как отвезет тебя домой? Он ведь сказал?

– Нет! Ничего он мне не говорил!

Женя внимательно посмотрел на меня:

– Точно?

– Да что ты прицепился?! Точно! Сказал, что ему нужно кое-куда заехать, и в самом деле уехал!

– Оно и к лучшему, – с видимым облегчением ответил Женя. – Чем меньше ты знаешь, тем спокойнее будешь жить. Так вот, я очень боюсь, что кто-то может подумать, что Иван рассказал тебе нечто важное, не касающееся музыки, разумеется. И в первую очередь опасаться в этом случае нужно будет не милиции. А совсем других людей.

Я присела за стол, поймала его руку. Пальцы все еще были ледяные. Я не знала, верить ему или нет. И кому вообще можно верить? Я понимала одно – он ужасно нервничает. Когда он в таком состоянии, у него руки всегда, как у покойника.

– Но как же я могу переменить показания? – мягко спросила я.

– Никаких показаний ты пока не давала, верно?

– Да, но... Подружка Ивана, Ксения, знает, что он подвез меня до дома. Я же сама ей это рассказала!

– Не важно, – бросил он с какой-то непостижимой небрежностью. – Она может болтать что угодно, а ты не подтверждай. Что она скажет в другой раз? Что это ты убила Ивана? Все отрицай. Никто ничего не докажет. И не общайся с нею больше. Я знаю ее, она всегда была слегка не в себе!

– Но Шура видела, как я выходила из его машины! – воскликнула я.

– Она не скажет. То есть скажет, что это было такси, – поправился он. – Это на случай, если кто-то из соседей видел, как ты подъехала на машине. А такси это было или нет – уже никто не вспомнит. Если будут спрашивать тебя о том вечере, говори, что никакого Ивана не видела, даже не знаешь, как он выглядел. Он ушел из студии задолго до того, как туда явилась ты. Так что никто ничего не докажет.

Я выпустила его пальцы, неподвижные, как у манекена. Наклонилась через стол, заглядывая ему в лицо. Жене все-таки пришлось встретиться со мной взглядом. Сперва он смотрел прямо, но потом не выдержал, и его глаза забегали, а потом он отвернулся.

– Так вот зачем ты ездил к своим? – спросила я. – Проинструктировать Шурочку?

Женя не ответил. Он зажег сигарету, встал и ушел в комнату. А я осталась на кухне. Чувствовала я себя ужасно. Если допустить, что он сказал правду и мои показания могут мне повредить... Тогда мне придется противоречить Ксении. Разве я решусь на такое?! Помимо позора, долгих разбирательств, я еще навлеку на себя подозрения. И еще... Ксении и так уже хватило потрясений. А тут еще я заявлю, что никогда не встречалась с Иваном. Как я буду после этого выглядеть в ее глазах? Хорошо, если просто трусихой, которая хочет поменьше общаться с милицией. Но скорее всего, я буду похожа на преступницу. Или сообщницу.

Я вошла в комнату и увидела, что Женя вытащил из-под шкафа дорожную сумку и складывает туда свои вещи. Подставка с дисками уже опустела. Он забрал почти все, оставив на местах дисков пять или шесть.

– Значит, едешь кататься на лыжах? – спросила я, останавливаясь над ним. Женя поднял голову:

– Как у тебя с деньгами?

– Мне хватит.

Я твердо решила ничего у него не брать. Еще не хватало, чтобы мне платили отступного! Но он достал из внутреннего кармана куртки несколько сложенных купюр. Пятисотрублевых.

– А «зеленых» ты еще не срубил на своей новой работе? – спросила я, не прикасаясь к деньгам.

– Если повезет, будут и «зеленые», – пообещал он, снова принимаясь складывать вещи. Он брал только самое лучшее, а лучшего у него было немало. Женя всегда любил хорошо одеться. Деньги он положил на выступ серванта. Спокойно, не упрасывая меня, не обращая внимания на колкости. Как будто ничего особенного не произошло. Он даже спросил, как я собираюсь провести новогоднюю ночь.

– Со своим новым другом, – мило ответила я.

– То есть? – Он встал. Ну и пусть он на две головы меня выше, ну и пусть он мужчина... Но если он попытается впечисть мне пощечину, я отвечу тем же самым! Я еще не забыла, как он тряс меня в магазине!

Но бить меня он, кажется, не собирался. Лицо у Жени сделалось какое-то растерянное. Мне это доставило удовольствие, что скрывать.

– Что ты имеешь в виду под словом «друг»? – спросил он наконец.

– То же самое, что имела, когда говорила о тебе своей маме, – ответила я. – Только я с ним еще не спала. Как раз собираюсь.

Он начал улыбаться! Он мне не верил! Конечно, не верил, иначе вряд ли он стал бы так спокойно застегивать набитую до отказа сумку. И даже не раздражался, когда заедала молния. Я почти в отчаянии спросила:

– Ты, похоже, не думаешь, что я еще кому-то нравлюсь?

– Ну почему? Митя от тебя без ума. – Он взвесил сумку на руке, прикидывая, тяжело ли будет нести.

– Кстати, за что ты его так напугал? – осведомилась я, провожая Женю к двери. – Мальчик всего-то навсего проводил меня на презентацию.

– Да никто его не пугал. Это бабушка забила парня, и теперь ему везде мерещатся угрозы, – легко ответил он. – Митька страшно инфантильный, если разобраться, то ему на самом деле лет двенадцать.

Женя потянулся поцеловать меня, но я уклонилась. Он слегка повел плечом. На языке жестов это у него означало – «наплевать».

– Не скажешь, кто твой новый приятель? – спросил он, предлагая поддержать шутку.

– Не скажу, – в том же тоне ответила я. – Чтобы ты и на него наехал со своими крутыми друзьями? Кстати...

Я придержала входную дверь, которую он к тому моменту уже успел приоткрыть:

– Когда милиция станет меня спрашивать, подвозил ли меня Иван, я отвечу правду. Твоя сестра может врать, если ей угодно, но тогда она ответит за свои ложные показания. Это наказуемо, между прочим.

Он снова сделал попытку открыть дверь, но я рванула ручку и захлопнула ее:

– Ты слышишь меня?! – теперь я не сдерживалась и перешла на высокие ноты. – Я скажу всю правду! И не собираюсь никого покрывать, даже тебя, если ты в этом замешан! И Ксения тоже скажет правду! Чем ты собрался меня купить?! Своим коньяком, мандаринами?! Или деньгами?! Подавись ты всем этим!

Я бросилась на кухню и смела обратно в пакет все принесенные им продукты. Потом заскочила в комнату и схватила деньги.

– Не делай глупостей, – крикнул он от двери, наблюдая за моими метаниями. – Я ничего не возьму.

– Нет, возьмешь, возьмешь! – я уже кричала. – И я все равно скажу всю правду!

Ну и чего я добилась? Он хлопнул дверью. А когда я, в халате и этих проклятых тигриных тапочках, выскочила на лестницу, его шаги уже раздавались на первом этаже. Он бежал – он сбежал. Я видела в окно, как он сел в стоящую рядом с подъездом машину. Толком я ее не рассмотрела, но сдается мне, это была та самая иномарка, которая фигурировала в жалобах Мити. Не могла же я бежать за машиной по снегу и лужам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.